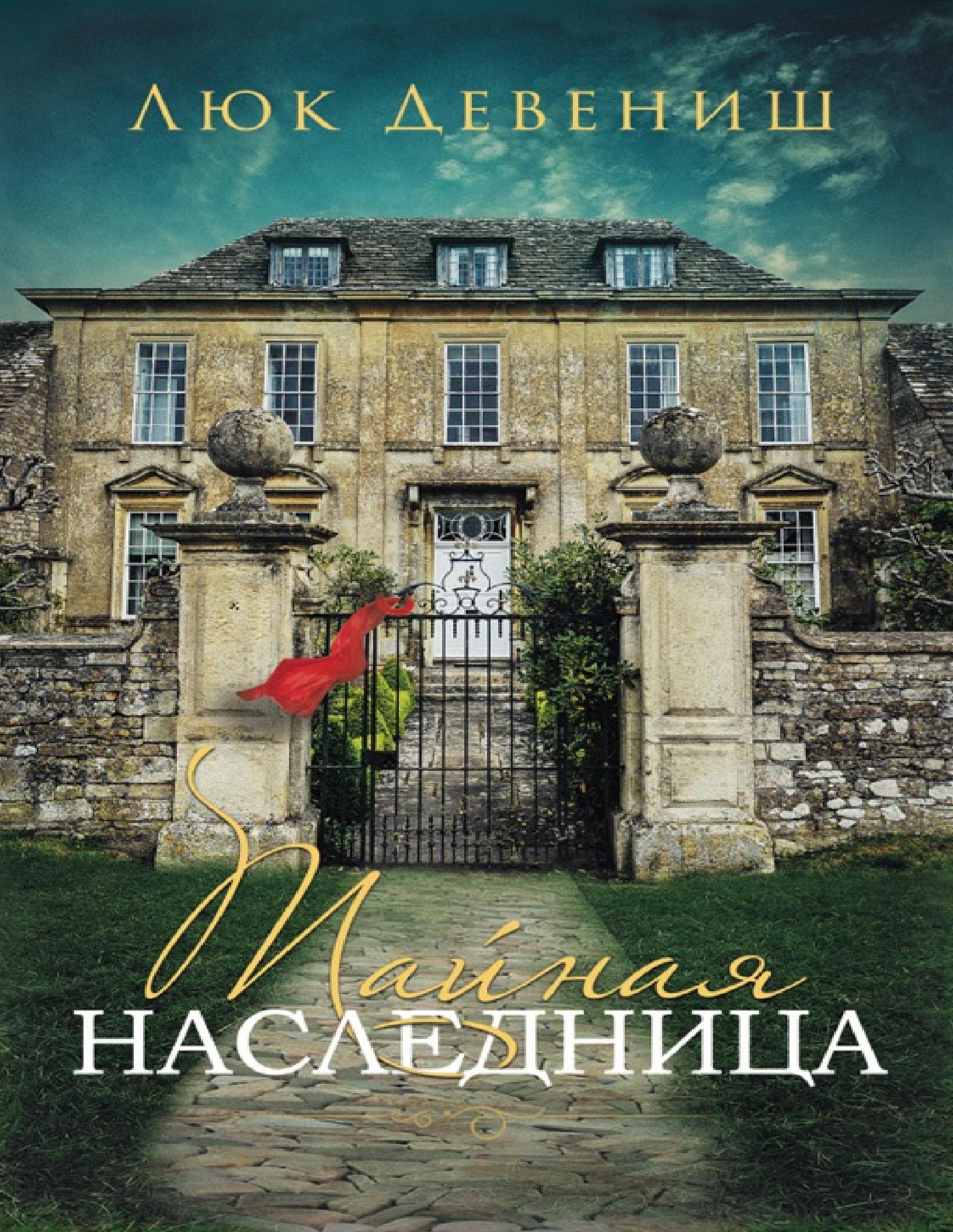

ЛЮК ДЕВЕНИШ

Майна
НАСЛЕДНИЦА

Annotation

Наивная Ида Гарфилд хочет сбежать с деревенской фермы, и когда мисс Матильда Грегори, хозяйка дома Саммерсби, предлагает ей работу горничной, хватается за этот шанс. Но внезапно мисс Грегори умирает. Ида приходит на похороны в надежде, что кто-то из Саммерсби все равно примет ее на работу, и не ошибается: Сэмюель Хакетт, жених покойной, нуждается в горничной и... друге. Неожиданно оказывается, что у Саммерсби есть тайная наследница, имя которой тоже Матильда Грегори. Влюбленная в Сэмюеля Ида готова помочь девушке получить наследство. Но странные события ее преследуют. Она узнает о темном прошлом Саммерсби...

Люк Девениш

Тайная наследница

Роман о мрачных тенях и неслыханном вероломстве

Моим бабушкам Этель и Беа

Ида
Декабрь 1886 года

Высокий, ошеломляюще красивый, элегантно одетый джентльмен со светлыми курчавыми волосами, оливковой кожей, роскошными усами и глубокими, добрыми, синими как васильки глазами был, пожалуй, самым импозантным мужчиной из всех, кого довелось повстречать шестнадцатилетней Иде Гарфилд. На вид ему было лет двадцать, никак не больше. Ида уже знала, что его зовут мистер Сэмюэль Хакетт. По ее мнению — мнению неискнушенной молоденькой девушки, вся жизнь которой прошла на ферме, — он явно кого-то высматривал среди пришедших на похороны. Ида питала слабую надежду, что мистер Хакетт ищет глазами именно ее. В конце концов, он ведь живет в Саммерсби и работает секретарем. Благодаря местным сплетникам она кое-что узнала об этом джентльмене еще до того, как увидела его на похоронах. Впрочем, сведений было совсем немного.

Саммерсби был легендарным домом со звучным названием. Две недели назад оттуда к ним на ферму прикатила красивая мисс по имени Матильда Грегори. После долгого разговора Иде предложили место горничной в Саммерсби. Девушка была на седьмом небе от счастья, думая об открывающихся перед ней перспективах, однако, к ее немалому огорчению, все пошло прахом — через неделю, еще до того как Ида успела приступить к своим новым обязанностям, разнеслась весть о кончине мисс Матильды Грегори.

Мама Иды очень расстроилась, однако сама девушка отказывалась смириться с тем, что трагедия положила конец ее мечтам о Саммерсби. Как могут отобрать у нее то, что казалось ей чудесным даром? Никто официально не уведомил Иду о том, что в ее услугах более не нуждаются. То, что мисс Матильда Грегори умерла, еще не означает, что не нужно мыть полы в ее доме, и Ида прекрасно это понимала. Она еще раз взглянула на красавчика мистера Хакетта и почему-то исполнилась веры в то, что будет работать в одном доме с ним. Быть может, именно ему поручено отвезти ее в сей уютный комфорт и красоты. Ей так бы этого хотелось! Сегодня, кстати, был тот самый декабрьский день, когда, как ранее говорила мисс Грегори, Иде предстояло приступить к работе. Именно поэтому девушка решила присутствовать на похоронах. Она даже прихватила с собой небольшую холщовую сумку, в которую уложила черное платье горничной. Всем, кто соглашался ее выслушать, Ида твердила, что все как-нибудь устроится. Мама не запретила ей присутствовать на похоронах, но велела взять с собой Эви, ибо считала, что явиться туда в одиночку будет неприлично.

Приехав к ним на ферму, ныне покойная мисс Матильда Грегори ни о чем особо Иду не спрашивала, а если и спрашивала, то девушка уже позабыла, о чем именно. Ее ослепили красота и элегантность мисс Грегори. Запомнился лишь один вопрос: «Смышленная ли Ида?» Мама, не подумав, ответила, что, к сожалению, нет, весь ум в их семье достался младшей дочери Эви. Ида поникла от унижения, хотя и осознавала, что мама права. Окружающие беспрестанно твердили ей об этом. А потом матушка поняла, что такой ответ может помешать ее непутевой дочери добиться успеха, и добавила, что, несмотря на недостаток ума, Ида весьма любознательна — до такой степени, что своими бесконечными вопросами может вконец измотать человека. По крайней мере, так говорят люди у них в городке. Некоторые даже считают, что любознательность — недостаток Иды. Девушка еще больше смутилась, хотя эти слова должны были звучать как похвала. Как бы там ни было, мисс Грегори не изменила своего намерения. Иде даже показалось, что она была довольна услышанным... Впрочем, теперь это не важно...

Учитывая то, что Ида была в неподходящей для похорон одежде, да еще и старалась держаться как посторонняя, не было ничего удивительного в том, что мистер Хакетт обратил на нее внимание. Поскольку красивый молодой человек интересовал ее больше, чем похороны, от нее не укрылось, что местечковые жители, соседи и слуги из Саммерсби загораживают ему обзор, однако, как ни странно, мистер Сэмюель Хакетт продолжал пялиться на нее. При этом он выглядел как человек, привыкший к тому, что все любят его внешностью.

Ида повернула голову к своей сестре Эви. При крещении ее нарекли Евангелиной. Она была на три года младше Иды и ниже ее ростом, а потому мало что сумела увидеть, да и расслышала не так уж много. Похороны оказались скучными, и Эви отвлеклась.

— Видишь джентльмена с красивой прической? — спросила у нее Ида.

Сестра потерла нос.

— Нет.

Ида подмигнула ей.

— Я выйду за него замуж. Подожди, сама в этом убедишься.

Эви недоверчиво взирала на сестру.

— Когда я стану постарше, — прибавила Ида, — он увидит, какая я красивая. А я красивая.

— Тебе не помешало бы читать книги посерьезней, — заметила Эви.

Гроб с останками мисс Матильды Грегори засыпал землей. Ида продолжала следить за тем, как мистер Сэмюель Хакетт идет к ожидающему его экипажу, по пути принимая соблазнения от тех, кто еще не успел их выразить. Она решила, что эти мужчины и женщины живут в округе Кастрлмейн, а потому знают мистера Хакетта лично.

— Весьма прискорбно, когда женщина умирает в столь юном возрасте, — ни к кому конкретно не обращаясь, произнесла немолодая дама, державшая в руке защищавший ее от солнца красный зонтик. — Когда разнеслась эта печальная весть, все были шокированы. Мисс Грегори умерла, прежде чем врач успел оказать ей помощь.

Ида оглянулась, ища, к кому могла бы обратиться эта леди, однако, никого не увидев, храбро ответила:

— Какая жалость! Мисс Грегори, наверное, была серьезно больна. Вы знаете, я встречала ее...

Леди оборвала ее прежде, чем Ида успела договорить.

— Камердинер обо всем позаботился. Никто вроде бы не осматривал ее тела. Откуда мы можем знать, что она была больна? Ничто не говорило об этом. Королевский магистрат тоже особо в дело не вникал. Они там, в Саммерсби, сами устанавливают себе законы.

— Да неужто? — удивленно спросила стоявшая рядом с сестрой Эви.

Ида не сводила глаз с мистера Хакетта, чья голова возвышалась над макушками тех, кто его окружал.

— Теперь трудно понять, кто живет, почитая закон, а кто нет, — продолжала леди с зонтиком. — Именно поэтому нам нужно больше констеблей, дорогуша.

Заинтригованные Ида и Эви ждали, что еще она скажет.

— Кто это? — прошептала Эви сестре на ухо.

Ида не знала.

— Когда года два назад умер мистер Грегори, прошла не одна неделя, прежде чем об этом узнали жители городка, — окинув взглядом толпу, добавила леди.

Она повернула зонт так, чтобы он лучше прикрывал ее от солнца, и дотронулась ладонью до затылка.

— А потом, когда нас уведомили о его смерти, выяснилось, что мисс Матильда была обручена с джентльменом из Англии.

Ида оторвала взгляд от Сэмюеля Хакетта.

— У нее был жених?

Немолодая леди, заметив в толпе кого-то из знакомых, заторопилась.

— Вот он, — ткнув зонтиком в сторону мистера Хакетта, сказала она.

Услышанное чрезвычайно удивило Иду.

— Но это же мистер Хакетт! Он секретарь...

Ее сердце таяло при виде того, с каким достоинством Сэмюель Хакетт справляется со своим горем. Оказывается, он хоронил возлюбленную!

— Что ни говорите, дела у него пошли в гору, — цинично заметила женщина.

Она выглядела утомленной. Ида вдруг испуганно подумала о том, что, возможно, разговаривает с особой, у которой дурная репутация. Девушке удалось разглядеть сквозь вуаль, что ее собеседница пользуется косметикой.

— Говорят, он всегда был щеголем, — беззаботно бросила незнакомка и ушла.

Ида и Эви переглянулись, одновременно заинтригованные и озадаченные.

— Эта женщина из тех, кого мама называет гулящими? — поинтересовалась Эви.

— У нее нарумянены щеки, — кивнув и расширив глаза, проговорила Ида.

Сэмюель Хакетт залез в экипаж, несмотря на то что некоторые все еще дожидались очереди, чтобы перемолвиться с ним словечком. Он вел себя так, словно люди уже разошлись. Ида зачарованно наблюдала за ним. Джентльмен вновь принялся искать кого-то в толпе, пока его глаза не остановились на ней. В ответном взгляде Ида постаралась выразить всю степень сочувствия его горю и сожаление о том, что судьба была к нему столь жестока, отобрав его суженую. А еще своим взглядом она заверила мистера Хакетта в том, что будет служить Саммерсби верой и правдой до конца своих дней. Это было гораздо больше того, что можно выразить без слов.

До нее донесся голос Сэмюеля Хакетта — приятный тенор, звеневший, как начищенное столовое серебро.

— Эй ты! Тебя ведь зовут Ида?

Девушка выглядела такой удивленной, словно могилы вокруг разверзлись и мертвецы выбрались на свет божий. Она была не в состоянии даже слово вымолвить.

Джентльмен улыбнулся, догадавшись, что напугал ее.

— Ты... да, ты... — Он дружелюбно махнул ей рукой. — Ты ведь мисс Ида Гарфилд?

Ида приоткрыла рот, а потом безвольно опять его закрыла.

— Да, это она! — крикнула в ответ Эви. — Это моя старшая сестра!

Ида удобно расположилась на мягком кожаном сиденье в экипаже мистера Хакетта. Эви осталась стоять снаружи. Ее рот приоткрылся от изумления. Девочка взирала на сидящую в великолепном экипаже сестру с таким видом, словно та вышла замуж за члена королевской семьи.

Мистер Хакетт сидел напротив нее, рядом с еще одним молодым человеком, которому также было не больше двадцати. Вот только Ида смотрела исключительно на Сэмюеля.

— Хочу представиться, — протягивая руку, сказал он. — Я Хакетт, Сэмюель Хакетт из

Саммерсби... знаешь ли...

— Да, я вас знаю, — произнесла Ида, наконец обретя дар речи.

— Серьезно?

— О да, — сказала Ида.

Ей захотелось рассказать ему, что в Каствлмейне только о нем и говорят, о его приятной внешности и звучном голосе, но она промолчала.

— Ну хорошо... А это Баркер. — Сэмюэль указал на своего соседа. — Очень надежный человек. Я знаком с ним уже несколько лет.

Тот хмыкнул, словно подтверждая его слова, и отбросил назад спадающие на лоб черные волосы. Иду поразил контраст между молодыми людьми. По ее мнению, Баркер напоминал красавца-злодея. Он был стройным и загорелым, темная грива падала на его пронзительные черные глаза. Девушка вспомнила, что уже слышала о Баркере, как и о Сэмюеле, вот только не знала, что эти двое знакомы. Баркер был знаменит, но у него была дурная слава. Люди говорили о нем шепотом, околдованные его мрачным видом. Ходили слухи, что у него есть любовница, имя которой он хранит в секрете. Ида не понимала, как они могли зародиться.

— Ну что, Ида, — произнес Сэмюэль, — печальный выдался день...

— Примите мои соболезнования, мистер Хакетт, — выпалила девушка. — Ужасная потеря. Я сочувствую вам всей душой. Ваша невеста мисс Матильда была самой милой молодой леди, которую я когда-либо видела... честное слово...

На лице Баркера появилась циничная усмешка, и удивленная Ида умолкла.

— Очень мило с твоей стороны, — произнес Сэмюэль, не обращая на него внимания. — Как я уже говорил, сегодня день скорби, а потому нет ничего страшного, если чувства порой берут над нами верх.

— Я не знаю, есть ли теперь для меня место в Саммерсби, сэр, — сказала Ида. — Меня нанимала мисс Грегори, а нынче она мертва...

— Есть ли для тебя место? — удивленно переспросил Сэмюэль.

— Я знаю, что грязные полы не вымоют себя сами, сэр, однако это мисс Грегори приезжала к нам на ферму, а те, кого она любила и оставила в этом мире, могут иметь на сей счет иные планы. Я так думаю...

Баркер внимательно наблюдал за девушкой, и ему с трудом удавалось сдерживать смех.

— Это место по-прежнему остается за тобой, — сказал Сэмюэль.

— Извините?

— Разумеется, ты до сих пор нам нужна, — пояснил он. — В доме нет горничной. Мы будем рады видеть тебя в Саммерсби. Моя покойная невеста очень похвально о тебе отзывалась.

— А-а-а...

Это показалось Иде странным. С замиранием сердца она сказала себе, что должна устранить возникшее недоразумение.

— Мистер Хакетт, я видела мисс Грегори всего лишь раз в жизни — две недели назад она приезжала к нам на ферму и разговаривала с моей мамой. Она не могла похвально обо мне отзываться. Мисс Грегори меня почти не знала.

Ее слова явно оказались для мужчин полной неожиданностью.

— Моя невеста отзывалась о тебе как о весьма достойной девушке. Именно поэтому ей очень хотелось дать тебе место горничной.

Ида смиренно прижала руку к сердцу.

— Меня воспитывали в строгости, сэр. Мама у меня суровая, но справедливая. Возможно, это какая-то ошибка?

Теперь, когда ее восторг улегся, Ида задумалась. Она помнила, как удивилась мама, когда к ним на ферму приехала красавица мисс Матильда Грегори. Ее предложение было встречено с радостью. Насколько Ида знала (а ее сведения были весьма ограничены), матушка никогда не принимала у себя столь элегантных гостей. Маме так хотелось лучше пристроить Иду, что она не стала задавать лишних вопросов. Одно это имя — Грегори — гарантировало солидность и надежность.

— Возможно, мисс Грегори меня с кем-то перепутала? — спросила Ида.

Сэмюель, улыбаясь, отрицательно покачал головой. Его улыбка произвела на девушку живительное воздействие. Она подумала, что могла бы купаться в ее лучах вечно.

— Раз моя невеста хотела, чтобы ты служила в Саммерсби, я с уважением отнесусь к ее желанию. Ты нужна нам, Ида, — бросив взгляд на Баркера, повторил Сэмюель. — Нам нужен друг.

Сердце девушки екнуло.

— Главное, что ты согласна.

Его взгляд переместился на небольшую холщовую сумку, которую Ида взяла с собой на похороны.

Девушка покраснела.

— Признаюсь, мистер Хакетт, я не теряла надежду на то, что смогу занять это место... Мне очень хотелось бы работать в Саммерсби. — Ида провела рукой по сумке. — Сегодня я должна была приступить к своим обязанностям. Я захватила униформу на случай, если...

Ида не предполагала, что ей придется сдерживать слезы, когда она выйдет из экипажа, чтобы попрощаться с сестрой.

— Ну... я поехала, Эви, — сказала она.

Они стояли у кладбищенских ворот недалеко от экипажа. Ида крепко сжимала в руке холщовую сумку.

— Скажи маме, что все устроилось наилучшим образом. Все вышло так, как мы и надеялись. Я буду писать ей каждую неделю.

Ида ожидала, что Эви расплчется от радости за нее, но ничего подобного не случилось. Сестра лишь улыбнулась.

— И когда же ты получишь жалованье?

— Откуда я знаю? — удивилась Ида. — Он не сказал мне этого.

Эви не понравился ее ответ.

— Через две недели? Через месяц? Когда они тебе заплатят?

— Я все узнаю, когда приеду на место, — сказала Ида, все еще радуясь своей удаче.

Эви нахмурилась.

— Помни: мне надо купить школьные учебники. Именно поэтому мама согласилась на то, чтобы ты пошла к ним в услужение.

— Знаю. — Ида крепко обняла и поцеловала сестру. — Я не забуду о твоих учебниках. Ты лучшая ученица в школе, Эви, ты самая умная девочка из всех, кого я знаю. — Она смахнула слезинку, все-таки покотившуюся по щеке сестренки. — Пока тебе не купят учебники, продолжай ходить в вечернюю школу.

Эви кивнула:

— Только старайся никому не докучать. Ты *часто* засыпаешь людей вопросами. Они на тебя жалуются.

Ида фыркнула.

— Я не дурочка. Мне известно, как следует себя вести.

Ида отвернулась и пошла, обходя встречных, к своему новому другу, красавцу мистериу Сэмюелю Хакетту и его слуге, которые терпеливо ожидали ее в экипаже.

Взглянув на Саммерсби, Ида решила, что запомнит этот миг на всю жизнь. Сначала она увидела огромный особняк издалека, сквозь закрывающие обзор кроны вязов и караджонгов. [1] Экипаж проехал через кованые железные ворота, мимо живой изгороди маклюр оранжевых, [2] по длинной подъездной дорожке. Девушке казалось, что коляска, поскрипывая, катила уже несколько часов, хотя на самом деле прошло не так уж много времени. Ида всю дорогу сжимала в руках холщовую сумку, в которой лежала ее новая, сияющая чистотой униформа. Пока экипаж ехал через парк, особняк мелькал между деревьями, а потом внезапно дом, громоздящийся на плоской вершине холма, предстал перед ней во всей красе. Его окружали широкие зеленые лужайки. Все вокруг заливали потоки сверкающего солнечного света, настолько яркого, что казалось, будто ты никогда прежде не видел ничего подобного. Ида во все глаза смотрела на это чудо. Она сказала себе, что на всю жизнь запомнит встречающиеся под углом продолговатые крылья здания из харкортского гранита, возведенные в величественном итальянском стиле. О том, что дом выстроен в итальянском стиле, Ида слышала уже давно. Здание было трехэтажным, с башенкой посередине восточного крыла, выстроенной без соблюдения пропорций. Кое-кто у них в городке утверждал, что башня несимметрична, однако Иде, увидевшей ее с близкого расстояния, это не показалось таким уж большим недостатком. Лично она пришла в восторг от окон округлой формы и шеста на крыше, на котором развевался флаг британской колонии Виктории. Огромный дом был окружен крытой верандой, а балкон над ней опоясывал здание. Оттуда наверняка открывался чудесный вид на округу. Ида думала о том, что, даже лежа на смертном одре, будет вспоминать множество стеклянных французских дверей, распахнутых настежь, для того чтобы внутрь здания задувал ветерок. Ей удалось заглянуть в дом. Девушка сказала себе, что запомнит первую встречу с Саммерсби еще и потому, что это легендарное гнездо семейства Грегори станет и ее домом.

Ида, шедшая позади Баркера, остановилась на лестничной площадке верхнего этажа и позволила себе взглянуть на странного слугу, которого решила считать своим начальником.

— Сколько вы здесь служите, мистер Баркер? — поинтересовалась она, желая завязать разговор.

По виду Баркера можно было подумать, что ее вопрос он воспринял едва ли не как личное оскорбление.

— *Некоторое время.*

Ида кивнула.

— А как давно вы знаете мистера Хакетта?

— Еще дальше, — процедил он. — Я повстречал его в порту Мельбурна. Он как раз сошел на берег. Признаться, у него был жалкий вид. Я ему помог.

Услышанное задело Иду за живое — уж слишком непочтительными показались ей слова Баркера.

— А что вы здесь делаете? Каково ваше место в этом доме?

Молодой человек с явной неприязнью окинул взглядом тщательно умытое личико девушки, но беспечная Ида не обратила на это внимания. Вообще-то люди говорили, что она симпатичная.

— Я камердинер, — сказал Баркер.

Ида не знала, кто такой камердинер, но переспрашивать не стала.

— А кто из семьи Грегори здесь живет?

— Никто.

— Никто?

— Старик дал дуба еще до моего появления.

Ида постаралась вспомнить сплетни, которые слышала в городке, но не смогла. В ее голове все смешалось.

— А разве здесь не было еще одной девушки... сестры покойной?

— Не твое дело, была она здесь или нет.

— Значит, кроме слуг, здесь никто не живет?

Баркер хохотнул.

— Я передам его лордству, как ты выразилась.

— Я не называла мистера Хакетта слугой! — поспешила уточнить Ида.

— Называй его как хочешь. Он получает жалованье, как любой из нас. Ему платят за то, что он исполняет обязанности секретаря, — презрительно хмыкнул Баркер. — Хотя на самом деле он бьет баклуши.

— А сколько мне будут платить? — поинтересовалась Ида, перейдя к животрепещущей теме.

— Двадцать фунтов per annum. Обычное дело.

— Per annum? — не поняла девушка. — Какое смешное выражение...

Баркер опешил от ее слов.

— Это означает «за год», дура.

Ида улыбнулась.

— Выходит, я тут надолго, на год, не меньше?

Вместо ответа молодой человек что-то проворчал себе под нос и откинул пальцами упавшие на глаза волосы.

Ида решила, что двадцать фунтов — не так уж много. Впрочем, это больше, чем она зарабатывала прежде, ибо, по правде говоря, она еще ничего в своей жизни не заработала.

— Я согласна, — сказала девушка, словно действительно могла отказаться и вернуться домой.

— Кроме того, ты будешь здесь жить и столоваться, — проворчал Баркер.

Он машинально перебирал пальцами ключи, висевшие на большом медном кольце. Ида задалась вопросом, сколько же их.

— Как вам удастся запомнить, каким ключом что открывать? — спросила она.

Не отвечая на ее вопрос, Баркер повернул ручку узкой двери. За ней находилась скромно обставленная комната. Меблировка состояла из небольшой железной кровати, застеленной стеганым одеялом, старого выцветшего кресла, которое, впрочем, выглядело вполне удобным, небольшого платяного шкафа, высокого соснового комода с шестью выдвижными ящиками и небольшого столика, на котором стоял тазик для умывания. Комната казалась простой, но довольно уютной. Ее заливали потоки света, льющегося сквозь окна, завешенные гардинами.

— Надеюсь, тебя это устроит, — произнес Баркер и с мерзким звуком кашлянул, избавляясь от мокроты, накопившейся у него в горле. — Невезуха, что ни говори, но ничего другого нет...

Иде не пришлось лукавить.

— Мне здесь нравится, мистер Баркер, спасибо, — сказала она.

Девушка провела рукой по одеялу. Оно было толстым и мягким на ощупь.

Баркер раздвинул шторы из дамаста, и лучи послеполуденного солнца ворвались в столовую. Открыв задвижку на одном из окон, он поднял нижнюю фрамугу, впуская в душное помещение свежий воздух.

Ида наблюдала за ним, стоя в дверном проеме.

— Что там у тебя? — спросил Баркер, словно только сейчас вспомнил о ее существовании.

— Я сюда не войду, — твердо заявила Ида.

Баркер посмотрел на нее из-под гривы спутанных волос.

— Лучше делай, как тебе велят, черт подери.

В ответ девушка наградила его одним из своих ничего не выражающих взглядов.

— Работай. Мы тебе за это платим.

— Она ведь тут умерла?

Камердинер пытливо уставился на Иду.

— Кто тебе это сказал?

— Никто. Это же очевидно, — ответила Ида. — Комната уже неделю как заперта, а стол накрыт к завтраку.

Баркер поджал губы, явно размышляя о том, как бы заставить ее подчиниться. Вскоре после того, как Ида согласилась работать в Саммерсби, она решила с самого начала установить четкие границы. Она с радостью стала бы выполнять распоряжения мистера Хакетта — он джентльмен и приятен в общении, а еще он хочет, чтобы они стали друзьями, а вот мистер Баркер — совсем другое дело.

— Ну ладно, она действительно умерла тут, — признал камердинер. — Ты когда-нибудь видела место, где кто-то умер?

Ида побледнела.

— Не думаю.

— Ты бывала в больнице?

— Я навещала маму в благотворительной лечебнице в Кастлмейне. Она попала туда после того, как родила Фрэнка, — сообщила Ида. — Во время родов у нее там все порвалось...

На Баркера ее слова не произвели никакого впечатления.

— И твоя бедная мать умерла?

— *Нет.* Она поправилась.

— Ты видела, как она лежала на койке?

Ида посмотрела на него как на дурачка.

— Ей повезло, но кому-то до нее нет, — сказал Баркер. — В лечебницах такое происходит на каждом шагу. Люди умирают на больничных койках. И в столовых. Такова жизнь. А теперь приberi, иначе мне придется как следует поучить тебя уму-разуму.

Ида не обратила внимания на его угрозу — если это действительно была угроза. Она

осталась стоять в дверном проеме.

— А как умерла бедная мисс Грегори? Никто об этом не рассказывает.

Баркер расправил плечи, и швы его летнего пиджака затрещали.

— У нее случился припадок.

— Какой именно?

Терпению Баркера пришел конец.

— Живей подметай!

Ему все-таки удалось добиться своего. Ида влетела в столовую, звякнув совком для мусора, и принялась мести пол. Баркер ястребиным взглядом с минуту пристально смотрел на нее, а потом расслабился, довольный тем, что смог ее запугать. Он ушел, оставив горничную в комнате.

Ида еще некоторое время поработала, а потом остановилась и с печальным видом огляделась по сторонам. Она знала, что иногда люди умирают ни с того ни с сего, особенно здесь, на золотых приисках, особенно женщины. Как бы там ни было, но смерть красивой хозяйки Саммерсби была слишком уж скоропостижной, и это вызывало у Иды глубокую печаль. К сожалению, ей не доведется находиться в услужении у столь элегантной особы. Иде хотелось бы знать, где конкретно оборвалась жизнь мисс Грегори, где она сделала свой последний вздох. Сидела она или стояла? Упала ли на пол? Можно ли разглядеть вообще какие-нибудь свидетельства того, что здесь кто-то умер?

Вдруг в поле зрения Иды попал какой-то предмет, лежавший возле пыльной шторы, ниспадавшей складками на пол. Девушка попыталась разглядеть, что это. Предмет был ярко-голубым, не очень большим, твердым и сверкал на солнце... Стекло. Любопытство взяло верх, и Ида, прокравшись к окну, осторожно приподняла штору, чтобы взглянуть, что же это такое.

Это был премиленький стеклянный сосудик, похожий на парфюмерный флакон. Ида подняла его и поднесла к свету. Внутри была какая-то жидкость. Девушка потрясла флакон. Жидкость заколебалась. Это явно была не вода. Ида подумала, что, скорее всего, это духи. Горлышко флакончика было заткнуто стеклянной пробкой. Иде захотелось ее вытащить.

Девушка осторожно попробовала выдернуть пробку, но та не поддавалась. Ида уже хотела приложить силу, но потом решила лучше оставить все как есть. Она задумалась, не стоит ли положить флакончик туда, где она его нашла, но потом испугалась, что Баркер найдет его и решит, что она плохо подмела.

Теперь комната выглядела не такой мрачной, как прежде. Ида продолжила уборку. Особо не утруждаясь, она все же выполнила поручение дворецкого. Флакончик девушка оставила на обеденном столе. Она то и дело бросала на него взгляд, пока собирала на поднос то, что осталось от завтрака, приготовленного неделю назад: холодный чай, скисшее молоко, черствые ломти хлеба...

Ида облегченно вздохнула, когда наконец закрыла за собой двустворчатые двери столовой. Мусора в совке было довольно много. Держа поднос так, чтобы, чего доброго, его не уронить, девушка нырнула под лестницу и остановилась перед обитой зеленым сукном дверью, ведущей на кухню. Ида очень надеялась, что там есть кто-то, с кем можно будет поспудачить.

Войдя на кухню, она обнаружила женщину с похорон, на лице которой были следы косметики.

— Ой! — удивленно воскликнула Ида.

Женщина перестала бросать овощи в кастрюлю с кипящей водой и повернула голову.

— Значит, он все же нашел тебя, дорогуша?

— Да... Я...

Ида была потрясена. Ничто из сказанного на похоронах не свидетельствовало о том, что эта женщина служит в Саммерсби. Незнакомка вела себя на кладбище так, словно была лишь посторонним наблюдателем. Похоже, ее позабавило замешательство, отразившееся на лице Иды.

— Меня зовут миссис Джек, — подмигнув, сказала она.

Ида заметила озорное выражение на ее нарумяненном лице, по которому катились капельки пота, ибо миссис Джек стояла, согнувшись над плитой.

— Я иногда готовлю здесь пищу, если возникает такая необходимость, но только когда у меня есть свободное время, а это, между нами говоря, случается все реже и реже. Я пошутила, — рассмеявшись, добавила она.

Ида не знала, что ей ответить.

Миссис Джек сняла фартук и бросила его на стул. Она была в той же одежде, что и на похоронах.

— Ладно, дело сделано. Приглядывай за супом, дорогуша. Пусть потомится на небольшом огне, потом накрой его крышкой и через часик сними с плиты. На ужин этого хватит. Если мы с тобой больше не увидимся, желаю всего доброго.

Она взяла сложенный зонтик с подставки, стоявшей рядом с буфетом, и направилась к двери, выходящей в сад.

— Куда вы? — спросила ее Ида.

— Домой, дорогуша. Ты же не думаешь, что я здесь живу? Как бы ни так!

И женщина ушла.

Озадаченная Ида уселась на табурет, не зная, что делать дальше. Только теперь до ее сознания дошло, что, несмотря на похороны, поминок не будет. Конечно, так ведут себя только скупердяи, однако, поразмыслив, девушка решила, что это к лучшему. Кто бы стал готовить? Явно не миссис Джек. В особняке, похоже, почти нет прислуги... какой-то обглоданный скелет вместо полноценного штата... Слово «скелет» вновь вселило в ее сердце тревогу. Ида вспомнила о флаконе, который сунула в карман фартука. Девушка вытащила его и принялась разглядывать. Флакон был красивым, однако Ида решила не оставлять его у себя. Нельзя, чтобы в первый же день работы ее сочли воровкой.

Ей нужны деньги, точнее, не ей, а ее сестре Эви. Мама и незамужние тетушки твердо решили дать Евангелине достойное образование. Сестра Иды была умной, гораздо умнее ее самой, и семья надеялась, что со временем это принесет всем пользу. Ида перестала посещать школу три года назад, после того как ей исполнилось тринадцать, а вот Эви, которой теперь тоже было тринадцать, продолжала учебу. Жалованье Иды было необходимо для того, чтобы семья Гарфилд стала уважаемой. Именно поэтому мама так обрадовалась, когда мисс Грегори предложила ее дочери место горничной. Именно поэтому Эви не разрыдалась, расставаясь с сестрой.

Кое-что не давало Иде покоя. Мисс Грегори поинтересовалась, смышленная ли она. Когда мама честно ответила, что нет, это не смутило леди. Ида была уверена, что не ошибается: мисс Грегори не сочла это недостатком.

Ида сунула стеклянный флакончик обратно в карман, решив позже подумать, как с ним поступить. Сидеть одной наскучило, и она направилась к обитой зеленым сукном двери. Уже

выходя из кухни, девушка почувствовала, как поднимаются волоски на ее руках. Чувство было не из приятных. Ида почесала предплечья и ощутила, как кожа между пальцами немеет. Ей показалось, будто холодная мертвая рука легла ей сзади на плечо. Девушку бил озноб. Она опрометью выскочила из кухни и остановилась только в прихожей. Ида замерла и невольно оглянулась. Никого.

Она услышала, как кто-то топает и скребется где-то совсем близко. Этот звук оказался неожиданным, однако нельзя сказать, что он был ей незнаком. Девушке понадобилось пару секунд, чтобы понять, что же это такое.

— Собака, — сказала Ида.

Она прислушалась. Ошибиться было невозможно. Собачьи когти царапали лестницу — животное перескакивало с одной ступеньки на другую.

Обрадовавшись тому, что в Саммерсби есть пес, Ида побежала к парадной лестнице, чтобы на него посмотреть. Подняв глаза, девушка, впрочем, никого не увидела.

— Эй, малышка! — не теряя надежды, позвала она.

На ферме у Гарфилдов жила Дейзи, всеобщая любимица, и потому всех собак Ида называла исключительно «малышками».

Девушка взбежала по ступенькам до первой лестничной площадки, но животного по-прежнему нигде не было видно. Тогда Ида поднялась на следующий этаж и внимательно оглядела пустые коридоры. Она прислушалась. Стук когтей долетал теперь издалека, а затем и вовсе стих. Это озадачило Иду. Куда могла подеваться эта собачонка?

— Мистер Харгривз из Кайнтона, — войдя в гостиную, объявила Ида голосом, который едва ли подходил для того, чтобы сообщать о посетителях.

Со времени похорон минуло два дня. И Сэмюель, и Баркер одинаково отреагировали на ее писклявый голос. Ида подумала, что надо бы принести бренди. Она отправилась за напитком, однако совсем позабыла о посетителе, ожидавшемся в прихожей, и Харгривз Купер сам прошел в гостиную и предстал перед Сэмюелем Хакеттом.

— Харгривз! — Светловолосый красавец Сэмюель пожал широкую ладонь сидящего солиситора.^[3] — Вы, должно быть, изнываете от зноя. Вам пришлось проделать верхом изрядный путь.

— Примите мои соболезнования, Хакетт, — произнес Купер.

Камердинер Баркер переводил взгляд с мужчин на Иду и обратно. Он привычным жестом убрал спадающие на глаза волосы. Возможно, все дело в освещении, но сегодня он выглядел менее мрачным, чем в прошлый раз. Так, по крайней мере, показалось Иде. Она решила, что демоны (если они и впрямь донимают камердинера) сегодня его не тревожат. В узком черном костюме Баркер выглядел более опрятным. Темные глаза еще выразительней сверкали из-под копны волос. Но, как бы то ни было, по сравнению с Сэмюелем Хакеттом он ничего собой не представлял. Ида по-прежнему считала, что Сэмюель — самый красивый мужчина, которого она когда-либо встречала. При виде него у девушки слегка кружилась голова. Тех трех случаев, когда мистер Хакетт заговаривал с ней за прошедшие два дня, ей не забыть никогда... Так, по крайней мере, казалось Иде. Он снился ей ночами.

Сейчас на ней была не та одежда, в которой она работала в первый день. Теперь на Иде была форма старшей горничной: креповое платье с турнюром^[4] и фартук. Ее повысили буквально на второй день, и хотя она считала, что Саммерсби или, по крайней мере, мистер Хакетт, заслуживает лучшей прислуги, спугнуть свою удачу ей не хотелось. Мама часто

повторяла Иде, что девушки, обделенные умом, должны знать хотя бы какой сегодня день, а если тебе известно, какой теперь месяц или год, это просто отлично. Ида понимала, что она получила шанс добиться чего-то в жизни. Вряд ли такая возможность представится ей еще когда-нибудь, а посему глупо ее упускать.

Ида принесла Сэмюелю и солиситору бутылку бренди, не забыв присовокупить к ней стаканы. Купер уже уселся в кресло. Сэмюель, обнаружив, что Иде не хватило ума налить бренди в стаканы, сам принялся разливать его.

— Смерть всегда печальна, — сказал он Куперу, — однако на этот раз мы оба знаем: я был предупрежден заблаговременно.

Солиситор взболтнул налитую в стакан жидкость, приподняв брови.

— Ну а разве не так? — произнес Сэмюель.

Ида огляделась в поисках Баркера и поняла, что он уже ушел. Она вышла из гостиной через большие двустворчатые двери и неплотно притворила их за собой. Чрезмерная любознательность заставила ее замереть с противоположной стороны двери. Девушка понимала, что это нехорошо, но все равно не смогла удержаться. Люди, живущие в Саммерсби, полностью занимали ее мысли, но никто из них до сих пор не удосужился уделить ей достаточно времени, чтобы она могла хорошенько обо всем расспросить. Лишенная радости общения, Ида чувствовала, что у нее нет другого выхода, кроме как подслушивать. Она оглянулась, пробежала глазами по вестибюлю, но камердинера нигде не было видно. Ида заглянула в щелочку между дверями.

— Когда вы объявили о своей помолвке, Сэмюель, мисс Грегори выглядела абсолютно здоровой, — донесся до нее голос Купера из гостиной.

— У меня есть отчет врача, — произнес Сэмюель.

— Фоул — хороший врач... как для Кастлмейна.

— Вот только он, к сожалению, склонен писать никому не нужные отчеты, — сказал Сэмюель. — Моя невеста, как вы уже, я уверен, уяснили, была какой угодно, только не здоровой, а я оказался простаком, думая иначе. Со стороны Фоула было весьма любезно изменить свое мнение, по крайней мере, после появления коронера.

Ида оставила довольно широкую щель и теперь через нее увидела, что солиситор находится в легком замешательстве, а Сэмюель доволен этим, хотя лично она понятия не имела, о чем они говорят. Кажется, речь шла о том, что мисс Грегори была не совсем здорова, вот только ее болезнь была не из тех, что легко может определить врач.

— Ее недуги, если таковые и были, имели не физическое происхождение, — напомнил ему Купер.

Сэмюель промолчал.

— Фоула нельзя ни в чем винить. С физической точки зрения мисс Грегори была вполне здорова.

— Я ни в чем не виню Фоула, — возразил Сэмюель. — Я виню во всем себя.

— С какой стати, ради всего святого?

— Виню себя за то, что полюбил ее.

Сердце Иды екнуло в груди.

— Бедняжка, — прошептала она.

Купер еще больше смутился. Ида решила, что, возможно, он увидел слезы на глазах собеседника.

— В любви к своей избраннице нет ничего предосудительного, — сказал солиситор.

Сэмюель взмахом руки дал понять, что не хочет об этом больше говорить.

— Вы приехали, чтобы огласить завещание моей покойной невесты. Неприятная формальность, однако я весьма благодарен за то, что вы сюда явились, Харгривз.

Он отставил стакан с бренди. Ида с опозданием вспомнила, что не принесла подставки под стаканы.

— Я думал, что дело может подождать еще неделю или около того, пока я не соберусь с силами и лично не приеду к вам в контору, — сказал Сэмюель, — но, повторяю, я весьма уважаю ваш профессионализм. В прошлом году, когда я и моя невеста составляли завещания, он произвел на нас большое впечатление.

Ида удивилась. С какой стати они отдали предпочтение юристу из Кайнтонна, если есть местные солиситоры?

— Однако имеется еще одно, более позднее завещание, — сказал Купер.

Сэмюель оторвал взгляд от стакана с бренди.

— Я и Матильда подписали наши завещания в вашем присутствии...

— Да, однако спустя несколько дней после этого мисс Грегори поручила покойному Герберту Уолшу, моему коллеге, составить для нее другое завещание.

От любопытства Ида прикусила язык. Она не знала, в чем дело, но ей казалось, что услышанное весьма интересно. Сквозь щель девушка видела, как на лице Сэмюеля отразилось полнейшее изумление.

— Моя невеста поручила вам составить другое завещание? И это было сделано уже после того, как она подписала первое после нашей помолвки?

— Не мне, а Уолшу, — уточнил Купер. — Мисс Грегори сама решила встретиться с ним и, как я полагаю, попросила его составить другое завещание.

Судя по всему, Сэмюелю трудно было в это поверить.

— Но почему она ничего мне не сказала?

Купер не смог ответить на этот вопрос.

— Почему она даже словом не обмолвилась?

— Я не знаю.

— Но ведь у вас с Уолшем была общая контора на двоих?

Солиситор, кажется, начал обильно потеть. Ида также почувствовала влагу под мышками.

— Общие комнаты и мебель, но отнюдь не информация, — сказал Купер Сэмюелю. — Я ничего не знал об этом, Хакетт. О существовании этого завещания мне стало известно только в июне, после смерти Уолша, когда его дела перешли ко мне.

Сэмюель начал терять терпение.

— И вы ничего мне не сказали?

Купер, казалось, боролся с сильнейшим желанием продеть палец под высокий, туго накрахмаленный воротничок рубашки.

— Вы высоко отзывались о моем профессионализме, поэтому, полагаю, должны отдавать себе отчет, что я очутился в весьма щекотливом положении, — произнес солиситор. — Когда я узнал о существовании этого завещания, мисс Грегори была еще жива. Я не имел права уведомлять вас о том, что, воспользовавшись услугами моего покойного коллеги, она составила другое завещание. Только она могла сказать вам об этом, а не я... Как я понимаю, она предпочла ничего вам не говорить...

Солиситор запнулся.

— Пожалуйста, покажите мне завещание, — попросил Сэмюель.

Купер вытащил из стоявшего у его ног портфеля покрытый штемпелями и восковыми печатями конверт. Ида постаралась получше разглядеть его в щель, но не смогла.

— Это один из двух экземпляров, — сообщил Купер, — второй остался у меня в конторе. Разумеется, я не читал этого документа, поэтому ничего не знаю о его содержании.

Сэмюель взял конверт, внимательно осмотрел его и только тогда сломал восковую печать. Чтение заняло некоторое время. Наконец Сэмюель сложил документ, но не вернул его солиситору.

— Как я уже говорил, второй экземпляр остался у меня в конторе, — произнес Купер, когда стало ясно, что Сэмюель не заговорит первым. — По возвращении я распечатаю конверт и начну процедуру, предписанную мне как душеприказчику.

Сэмюель ничего не ответил, однако по его лицу было видно, что в душе у молодого человека идет борьба.

— Баркер! — Внезапно он вскочил на ноги с такой поспешностью, что Купер едва не подпрыгнул на месте. — Баркер! Ты мне нужен!

Ида, потеряв равновесие, влетела в комнату и натолкнулась на кресло, в котором сидел Сэмюель.

— Ида? — удивился тот.

Девушка покраснела до корней волос.

— Я... извините, мистер Хакетт... я, кажется, оступилась в коридоре...

Он положил руку ей на плечо.

— Ничего страшного. Боюсь, мистер Купер принес неожиданные вести.

Вот только выражение его лица подсказало Иде, что дело очень серьезное.

— А где Баркер?

Ее лицо по-прежнему было пунцовым.

— Не знаю.

Сэмюель выглядел раздраженным, однако в присутствии девушки постарался не прибегать к резким выражениям.

— Что случилось, мистер Хакетт? — спросила Ида, застенчиво теребя плохо сидевший на ней передник.

Он принадлежал девушке, которую недавно уволили.

— Все хорошо... Тебе не о чем тревожиться, уверяю тебя, — сказал Сэмюель, выводя ее из гостиной в коридор. — И не забудь закрыть за собой двери. Баркер давал тебе какие-нибудь распоряжения?

— Мне повезет, если он вообще заметит меня хотя бы раз за целый день, — пожаловалась Ида и только потом поняла, что сморозила глупость.

Ей захотелось хорошенько стукнуть саму себя. Она устремилась к дверям гостиной и плотно затворила их за собой, несмотря на оказываемое ими сопротивление.

Очутившись в коридоре, девушка замерла, сходя с ума от осознания степени риска, на который пошла добровольно. Как бы там ни было, но ей хотелось узнать больше. Прижав ухо к закрытой двери, Ида все равно могла слышать то, о чем говорили в гостиной.

— Позвольте еще раз выразить вам искреннее сожаление, Хакетт, — произнес Купер.

Прошло несколько секунд, прежде чем Сэмюель ответил.

— Деньги Матильды... — Его голос звучал устало и напряженно. — Ее имущество отходит не ко мне. Второе завещание аннулирует первое, и я не являюсь ее наследником.

Услышанное произвело на солиситора сильное впечатление.

— Она назвала имя другого наследника?

— Да.

Сэмюель снова немного помолчал, словно хотел придать вес словам, которые собирался произнести.

— Она завещала все *Матильде Грегори*.

Купер ответил не сразу.

— Но у вашей невесты нет ни одного юридически установленного члена семьи.

— Ваша правда, ни одного юридически установленного, — ответил Сэмюель. — Она считалась последней в роду.

— Хакетт, это какая-то нелепица! — запротестовал Купер. — Неужели ваша невеста завещала наследство *самой себе*?

Ида услышала, как зашуршали документы, которые Сэмюель, должно быть, передавал солиситору.

— Мою покойную невесту звали не Матильда Грегори, как она утверждала. Ее настоящее имя — *Маргарет* Грегори. Она — сестра-близнец Матильды. В завещании об этом ясно написано.

Глаза Иды округлились.

— Это немислимо, — произнес Купер.

— Похоже, ей хотелось, чтобы весь мир, и особенно я, верил, что она и есть Матильда. По крайней мере, пока она дышала, ей удавалось водить всех за нос, — продолжал Сэмюель. — Вот только в завещании она написала, что зовут ее не Матильда, а Маргарет... Уверен, вы можете представить себе возможные неприятные последствия этого, Харгривз.

Воцарилось молчание. Ида подумала, что гость сейчас, должно быть, побледнел.

— Позвольте мне прочесть вам завещание, Хакетт.

Ида замерла, готовая сорваться с места, как только услышит шаги, приближающиеся к дверям.

Но никто из мужчин не поднялся с кресла, а потом Купер принялся читать вслух:

— *За несколько месяцев до смерти отца мне стало известно, что, согласно его завещанию, я, Маргарет Грегори, не получаю ничего в наследство — вся собственность переходит моей сестре-близнецу Матильде. Более того, согласно воле отца, я буду обязана после его смерти покинуть Саммерсби и перебраться в Константин-холл. Там я должна была бы получать небольшой доход с доверительного банковского фонда до тех пор, пока не покину стен этого заведения. В этом случае я лишилась бы всего, оставшись, что называется, без пени за душой. Короче говоря, ни Саммерсби, ни занимаемое мной положение в обществе, ни богатство не были моими по праву.*

Ида попыталась понять, что же все это означает. Казалось, она была близка к разгадке, но все эти противоречащие друг другу завещания были для нее внове.

— *Я сочла, что завещание моего отца несправедливо по отношению ко мне, — продолжал громко читать Купер. — Оно являлось вполне достаточным доказательством того, что мой отец меня не любит, что он одержим манией*

безжалостно властвовать над моим сердцем и судьбой. Мысль о том, что мне придется покинуть Саммерсби, была невыносимой, и, когда отец был при смерти, я совершила подмену, как делала это уже много раз. Внешне мы с сестрой очень похожи, а посему поменяться местами нам никогда не составляло особого труда. К сожалению, моя сестра также весьма ранимый, впечатлительный человек, а еще очень наивный. Она согласилась разыграть всех, как мы часто делали в детстве. Вот только на этот раз она не знала мотивов, которые двигали мною на самом деле. По моей инициативе обман продолжался до самой смерти отца, а потом Матильду незаконно увезли из нашего дома, ибо все ошибочно думали, что она — это я.

Вновь наступила тишина. Ида напряглась, готовая убежать, если услышит скрип половиц, однако солиситор продолжил чтение.

— Я сохранила эту тайну, когда была помолвлена, но не могу унести ее с собой в могилу. Я всем сердцем люблю своего жениха и поэтому молюсь о том, чтобы однажды он понял причины, заставившие меня завещать Саммерсби, все движимое и недвижимое имущество не ему, а Матильде, у которой я отобрала все это самым бессовестным образом...

После непродолжительного молчания Сэмюель сказал:

— Матильда Грегори жива.

— Это невероятно! — воскликнул Купер. — Ужасная подмена, которая так долго оставалась нераскрытой... Признаюсь, мне просто не верится... А что такое Константин-холл и где он расположен?

— Это и есть самое поразительное во всем деле, Харгривз, — произнес Сэмюель. — Вам это понравится...

— Хакетт! Я и так нахожусь в замешательстве от происходящего, — перебил его Купер. — Это один из тех величественных домов, что построены на Балларине?^[5]

— Ничего величественного в нем нет, — сообщил Сэмюель. — Константин-холл — лечебница для состоятельных больных, страдающих психическими расстройствами.

Ида охнула.

А в гостиной Сэмюель нанес *coup de grâce*.^[6]

— Настоящую Матильду Грегори отправили в сумасшедший дом.

Глаза Иды расширились. Ужас, вызванный услышанным, наконец пересилил желание узнать что-нибудь еще. Оторвавшись от двери, девушка вбежала в вестибюль и заметила там Баркера, который, скрестив руки на груди, стоял с противоположной стороны, сверля Иду взглядом. Девушка быстро оправилась от неожиданности.

— Вы можете отругать меня или даже лишить места, однако, если у вас достаточно здравомыслия, мистер Баркер, лучше спросите меня о том, что я слышала, — сказала она.

Камердинер продолжал сверлить ее колючим взглядом.

— Ну же? — произнесла девушка.

Баркер сделал шаг ей навстречу.

— Я имел дело с разными людьми, — сказал он, — но такую пройдоху, как ты, вижу впервые.

Ида, прикусив губу, решила не сдаваться.

— Значит, увольнение? Жаль, мистер Баркер. Вы многое потеряете, не узнав, что я только что слышала.

Гордо подняв голову, Ида попыталась с неприступным видом прошествовать мимо, а потому не заметила, как камердинер подставил ей ножку. Зацепившись, она плашмя растянулась на полу. Оглушенная падением, девушка неуклюже повернулась на бок, страшась получить удар носком сапога, но его не последовало. Лежа на полу, Ида в смятении взирала на Баркера снизу вверх.

— Никто тебя не выгонит, — сверкнув глазами из-под волос, сказал он, — если...

— Если что? — спросила она.

— Если то, что ты мне расскажешь, не будет таким же жалким, как ты сейчас.

И она все ему выложила.

Ожидая ответа Баркера, Ида видела призрачную улыбку, то появляющуюся на его губах, то исчезающую. Наконец стало понятно, что услышанное его *позабавило*. Ида догадалась: пока что ее никто выгонять не станет. Воспользовавшись представившейся возможностью, она поднялась на ноги и обрадовалась, когда Баркер не стал ее унижать.

— О чем вы думаете, мистер Баркер?

— Я о многом думаю, — с загадочным видом произнес он.

Иде его ответ ни о чем не говорил.

— Мисс Матильда даже не была мисс Матильдой, — рискнула заметить потрясенная девушка. — Настоящую Матильду заперли в сумасшедшем доме!

Баркер лишь скривил губы. Он стоял, словно статуя, и молчал.

— Разве вы не считаете это ужасным? — пробормотала она.

— Когда дело касается этих близняшек, меня ничто не может шокировать, — безучастно ответил камердинер.

Ида решила измерить степень его невозмутимости.

— Но поменяться местами... всех обмануть!..

Мужчина пожал костлявыми плечами.

— В детстве они только тем и занимались, что всех дурачили. Так мне говорили. Все зашло настолько далеко, что в конце концов никто не мог сказать, кто из них кто. Впрочем, никому до этого не было дела. Это были две дерзкие, озорные девчонки, которых приходилось держать в ежовых рукавицах. Неудивительно, что все закончилось именно так. Заслуженное наказание, только и всего.

Ида выглядела еще более испуганной.

— Ну, я никогда...

Камердинер внезапно зашевелился, словно часовой механизм, который снова затикал после сильного удара. Девушка провожала его изумленным взглядом, пока он шагал к кухонной двери, обитой сукном.

— Мистер Баркер! — крикнула Ида вдогонку.

Он остановился в дверном проеме и оглянулся, вытянув шею.

— Лучше позаботься о том, чтобы в спальнях было прибрано наилучшим образом.

— А что будет с настоящей мисс Матильдой?

— Не такой пронырливой вертихвостке, как ты, об этом думать. Пошевеливайся.

Ида решила, что одним из минусов работы в Саммерсби было общество, вернее, почти

полное его отсутствие. Работа сама по себе была тяжелой, однако ей и дома приходилось трудиться в поте лица. Проблема заключалась в отсутствии приятной компании. Именно это грозило со временем ввергнуть ее в депрессию. За исключением красавчика мистера Хакетта, никто не старался хоть как-то скрасить ее дни.

Переехав в Саммерсби, Ида попыталась подружиться с Руби, служанкой, работавшей на кухне, однако их дружба закончилась, не успев начаться. Однажды утром, спустившись вниз, Ида узнала от Баркера, что Руби уволена и сейчас катит в город. Ида выбежала наружу, но смогла лишь проводить Руби взглядом. Та, сидя в высокой двуколке, уезжала прочь, исчезая в облаке пыли. Они даже не попрощались.

После увольнения Руби Ида принялась размышлять о том, с кем еще можно свести дружбу, и вскоре поняла, что выбор тут небольшой. Кухарка, которая прежде работала в Саммерсби, уволилась еще до появления Иды, а миссис Джек не проявляла особого интереса к домашнему хозяйству и тем более к тем, кто находится здесь в услужении. Хуже того: Ида опасалась, что миссис Джек подвержена странным иноземным веяниям, а мама Иды советовала дочери опасаться порочных нравов, идущих с Континента.^[7] Миссис Джек нечасто появлялась в Саммерсби. В иные дни им приходилось довольствоваться запасами из кухонных кладовых и готовить что-нибудь для мистера Хакетта. «Им» — это Иде и Баркеру. Слуги, следившие за парком — кажется, их было двое, — не имели ничего общего с живущими в большом здании. У них был собственный маленький домишко. Завязать дружбу с кем-то вне стен Саммерсби у Иды не было ни малейшего шанса.

Тоскливей всего ей было по ночам, когда она лежала одна в своей постели.

— Сколько времени мы будем тащить все на себе? — спросила Ида у камердинера однажды за завтраком, состоявшим из овсянки.

— Не твое дело, — отрезал тот.

— Мое. Мне приходится работать за десятерых.

Баркер в это время разглядывал бугорки ее груди под неказистым креповым платьем. Ида беспокойно заерзала на стуле, прекрасно понимая, что означает этот взгляд.

— Если хочешь уйти, уходи, — резко произнес камердинер. — Вот только до города далековато.

— Руби вы отправили домой в двуколке! — возмутилась Ида.

Баркер поперхнулся овсянкой, закашлялся и оплевал ею весь стол.

— Можешь поехать на пони Шенка, — сказал он.

И вновь набил рот кашей. Ида рассердилась, услышав в его голосе пренебрежение, однако отступить не хотела.

— Значит, больше никого из слуг нанимать не станут?

— Это вопрос не ко мне, — заявил Баркер.

Ида тряпкой вытерла овсянку со стола.

— Вы ведь камердинер, — сказала она. — Почему бы вам не спросить?

То, что Баркер ничего ей не ответил, только утвердило ее во мнении, что его вполне удовлетворяет существующее положение вещей, хотя, признаться, девушка не могла понять причину этого.

— Но дом такой большой... Я просто не могу со всем справиться, мистер Баркер.

Овсянка опять грозила оказаться на столе, но на этот раз камердинер справился с собой.

— У тебя неплохо получается, — возразил он.

Услышанное удивило Иду. Он что, доволен ее работой? Девушка решила, что так и есть,

и слегка улыбнулась Баркеру. Он взял чашку с чаем.

— Его лордство и я все равно скоро уедем отсюда, — сообщил Баркер Иде. — А после нашего возвращения все так или иначе войдет в колею.

Услышанное заставило ее немного приободриться.

— Ах! Будет так здорово еще с кем-нибудь пообщаться!

— Ни с кем ты общаться не будешь, — отхлебнув чай, заявил Баркер.

На Иду снова нахлынуло уныние. Впереди замаячили долгие дни, а затем и недели почти полного одиночества, которое не могли скрасить даже непродолжительные разговоры с Сэмюелем. Иде все трудней было сдерживать слезы. Она подумала о своей сестре Эви. Как ей счастливо и вольготно живется! В маленькой школе Кастрлмейна все ее любят. Учитель ею гордится. Мама и незамужние тетушки превозносят до небес. А вот она, Ида, обречена на тяжелую домашнюю работу. Никто ей даже слова доброго не скажет. Девушка почувствовала себя никому не нужной.

— Я снова слышала собачьи шаги, — тихо произнесла она. — Она повсюду бродит, пока я убираю.

Баркер внимательно посмотрел на нее.

— Я слышала стук когтей. Собака бегала по половицам.

Камердинер опустил чашку на стол.

— Что еще за чертова собака?

— Пес, который здесь живет, — ответила Ида. — Он не позволил мне его погладить. Он даже увидеть себя не позволил. А жаль. Мне было бы не так одиноко. — Ида почувствовала, как к горлу подкатывают слезы. — У нас дома есть собака. Ее зовут Дейзи.

Баркер несколько секунд внимательно смотрел на нее своими темными глазами.

— В Саммерсби нет собаки.

Ида осторожно отпила чай из своей чашки.

— Есть. Я слышала, как она ходит по дому.

Чай уже остыл.

— Тогда это *мертвая* собака, — произнес Баркер.

Ида побледнела.

— Не нужно ее обижать! — сжимая чашку, воскликнула девушка. — Бедняжка не сделала ничего плохого! Ничего не натворила!

Баркер сохранял на лице ледяную невозмутимость.

— Эта собака уже мертва, маленькая дурочка. Она умерла в тот же день, что и ее хозяйка.

Ида заморгала.

— Они умерли *вместе*?

Баркер лишь фыркнул в ответ.

— Но... но... я *слышала* ее шаги, мистер Баркер!

— То, что ты слышала, было отголоском твоего идиотизма, — насмешливо произнес камердинер.

Ида отшатнулась, словно ее ударили.

— Через две минуты я открою дверь спальни, и, надеюсь, там не будет такого же беспорядка, как в собачьем вольере, — сказал Баркер.

Ида поперхнулась холодным чаем и выплюнула его.

— Какой именно спальни?

— Пока что не знаю, — дразня ее, произнес Баркер. — Я решу на ходу.

— Повсюду безупречная чистота. Клянусь! — воскликнула девушка, мысленно перебирая в уме комнаты, в которых убрала, и те, по которым только «прошлась».

— Судить буду я, — заявил Баркер, — и судить строго.

Ида вскочила из-за стола прежде, чем он успел пошевелиться.

Когда стало ясно, что в ближайшее время Баркер не собирается исполнять свою угрозу, Ида перестала паниковать и приступила к тому, что называла «доработкой мелочей». Всего ей приходилось убирать шесть или семь спален. Больше всего девушке нравилось бывать в комнате, где стояла ширма с пагодами и драконами (Ида назвала ее «китайской комнатой»). Она сочла, что это спальня для леди, хотя далеко не все здесь отвечало представлениям о женственности, и старалась сделать помещение как можно более уютным. Иде казалось, что прежде эта комната была обставлена в соответствии с вкусами хозяйки.

Необычное признание из могилы не давало Иде покоя. Бедная, горемычная женщина, *настоящая* мисс Матильда Грегори, томится сейчас в сумасшедшем доме, оказавшись там из-за происков сестры-близнеца. Ида испытывала невероятное волнение при мысли о том, что покойная леди, та самая, что приезжала к ним на ферму, такая элегантная и милая, оказалась способна на столь низкий поступок. Как такое возможно? У Иды было больше вопросов, чем ответов. Мысленно она вернулась к тому, о чем думала с первого дня в Саммерсби: ее наняли *потому*, что она любит задавать вопросы. Покойная мисс Грегори выдала себя за свою сестру, чтобы не попасть в сумасшедший дом, однако, как бы там ни было, ее обман заслуживал порицания. В то же самое время она взяла на работу Иду... Зачем? В общем, вопросов было достаточно...

Действительно ли мисс Матильду скоро выпустят на свободу?

За последнее время Ида перенесла в китайскую комнату множество вещиц, найденных в других помещениях. Все это, по ее мнению, должно было понравиться женщине, обладающей изысканным вкусом: рубинового цвета ваза со щербинкой внизу, немецкая фигурка пастушки и довольно миленькая небольшая плоская шкатулка с инкрустацией из слоновой кости в мавританском стиле. Она была пуста. С внутренней стороны крышки кто-то вывел чернилами: «Памятная шкатулка». Учитывая, что Ида никогда не встречала особу, наделенную столь разнообразными вкусами, ее предположения зиждились исключительно на прочитанных романах.

Ида поместила голубой флакон на туалетный столик среди прочих красивых вещиц. В течение нескольких дней она прятала его в кармане передника. Теперь же девушка почувствовала облегчение, придя к выводу, что столь красивая вещица должна стоять только в китайской комнате.

Поставив флакон на столик, Ида долго им любовалась, а потом подвинула на дюйм вправо. Ей вдруг опять ужасно захотелось открыть его. Взяв флакон, девушка поднесла стекло к льющемуся из окна яркому свету, а затем слегка встряхнула. Жидкость внутри заколебалась. Боясь передумать, Ида обмотала пробку тканью передника и снова попыталась вытащить. Она вышла наружу с легчайшим хлопком. Ида поднесла флакон к носу и понюхала.

Розмариновое масло.

Это было неожиданно. Хотя Ида не знала, что там внутри, обнаружить розмариновое масло она уж точно не рассчитывала. Девушка капнула себе на запястье немного масла и

понюхала. Розмариновое, без сомнения.

Тут она испуганно обернулась и увидела Баркера, стоящего в дверном проеме. Он заметил флакончик в ее руке, но ничего не сказал.

— Комната сверкает чистотой, мистер Баркер, клянусь вам! — воскликнула Ида.

Она быстро сунула пробку-затычку обратно в горлышко и поставила флакон на туалетный столик.

Но Баркер, судя по всему, совершенно забыл об угрозе устроить ей проверку.

— Завтра ты едешь с нами, — сообщил он Иде. — Его лордство и я рано утром отправляемся в Мельбурн.

От удивления девушка приоткрыла рот.

— Я никогда не бывала дальше Бендиго.

Мужчина рассмеялся.

— Только не пытайся изображать из себя светскую даму. Городские легко догадаются, что перед ними деревенская — по навозу в твоих волосах.

Камердинер громко засопел длинным острым носом и самодовольно улыбнулся.

Обиженная до глубины души, Ида невольно понюхала воздух. Запах розмарина никуда не делся.

— Мы собираемся отыскать настоящую мисс Матильду? — спросила она.

Баркер, уже собиравшийся уходить, обернулся.

— Даже более того — мы вернем ее домой.

Ида почувствовала воодушевление.

— Бедная леди! Она будет так счастлива...

Баркер пожал плечами.

— Мистер Хакетт очень добрый, — продолжала Ида, а потом ей в голову пришла еще одна мысль. — Я не сказала ему, как сожалею о том, что подслушивала!

Девушка едва не расплакалась.

— О том, что ты шпионила под дверью?

Ида почувствовала себя неловко.

— Я не шпионила.

— Подленький поступок, должен сказать. — Похоже, Баркер получал удовольствие, дразня ее. — Ты должна быть благодарна мне за то, что я не рассказал ему об этом.

Ида решила, что будет разумнее сменить тему беседы.

— А что, по его мнению, произойдет, когда она сюда вернется?

Баркер бросил на девушку подозрительный взгляд.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну...

Ида и сама не до конца понимала, что имела в виду. Девушка огляделась по сторонам.

— Она поселится в этой комнате?

Кажется, Баркер впервые обратил внимание на изменения, привнесенные служанкой. Он нахмурился.

— Это помещение не в моем вкусе.

— Это для леди!

Баркер отмахнулся от ее замечания.

— Как по мне, можешь ее хоть в бочку посадить.

Беседа стала казаться Иде утомительной.

— Мистер Баркер, вы ведь понимаете, что новая мисс Матильда теперь наша хозяйка? Разве нам не следует говорить о ней с почтением?

Он задумался, а затем усмехнулся и тряхнул головой так, что копна темных волос упала ему на глаза, скрыв их от ее взгляда.

Было просто невероятно, что в одном доме столько комнат, столько коридоров, столько окон и в придачу столько длинных лестничных пролетов. И все это полагалось держать в чистоте. Ида закрывала дверь чисто убранной комнаты только затем, чтобы войти в другую, грязную. По крайней мере, так ей казалось. Девушка сражалась с мусором, призвав на помощь швабры и бадьи, метлы и тазы, тряпки и уксус. Она пыталась убедить себя в том, что это не напрасно, что она жертвует лучшими годами жизни ради Эви. Придет время, и Ида, преждевременно состарившаяся, сломленная тяжелой работой, вернется к сестре.

Она часто воображала себе это заслуженное безделье, ожидающее ее в будущем. Перед ее внутренним взором представали образы: она сама, счастливая, вальяжная, располневшая, отдыхает, развалившись на подушках. Толстый кусок хлеба, щедро намазанный медом, лежит на фарфоровом блюде с синим узором в китайском стиле. Эви едва сдерживает горячие слезы бесконечной признательности за ту жизнь, которую подарила ей сестра... Вот только Ида не совсем представляла себе, что за жизнь будет у Эви. Она понятия не имела, какое будущее ждет тех, кто получил хорошее образование. Лично она не знала никого, кроме Эви, кто продолжал бы обучение после того, как ему исполнилось тринадцать лет. Однажды Ида прочла роман о девушке, работавшей в большом доме гувернанткой. Эта должность не приносила ей особой радости, однако, как бы там ни было, это была настоящая работа. Все же лучше, чем выбивать пыль из половиков.

Прибравшись, хотя и не особо тщательно, в очередной комнате, Ида вынесла швабру в коридор и прикрыла за собой дверь. Поздравив себя с тем, что справилась с комнатами третьего этажа в рекордно короткий срок, девушка направилась к лестнице, но тут поняла, что пропустила одну дверь. В отличие от остальных дверей, она сливалась со стеной. Сверху она была оклеена обоями, снизу — панелями, однако это была самая настоящая дверь с ручкой и петлями. Иду встревожило, что прежде она ее не замечала.

— Одному богу известно, что там находится... — произнесла она вслух, представляя себе, что сказал бы Баркер, если бы обнаружил ее халатность.

Ида повернула ручку. Заперто. Она повернула ее до упора и навалилась всем телом. Дверь даже не шелохнулась. Ида огляделась по сторонам. Не скрывается ли камердинер где-нибудь в тени коридора и не наблюдает ли втайне за ней?

— Но как я могу убирать в закрытой комнате, мистер Баркер? — жалобно спросила девушка, представляя себе, что он сейчас выскочит из-за какого-нибудь угла и накинется на нее.

Она посмотрела на потолок, потом перевела взгляд на лестницу, пытаясь воскресить в памяти план дома и понять, что же это за комната.

— Должно быть, эта дверь ведет в башню... — вслух размышляла Ида.

Она сдалась. Дверь была закрыта — единственная запертая дверь во всем Саммерсби. Девушка прижалась к ней ухом... И услышала постукивание собачьих когтей о половицы. Ида отшатнулась, не дожидаясь, когда ее воображение сыграет с ней очередную злую шутку.

— Не позволяй себе этого! — вслух произнесла она.

Баркер последним забрался в карету и вальяжно вытянул ноги в черных брюках. Сэмюелю пришлось подвигнуться.

— Осторожней, — поморщившись, произнес он.

Забившись в угол кареты, Ида наблюдала за мужчинами, думая о том, как бы воспользоваться представившимся случаем. Ей очень хотелось заговорить с ними, однако она решила дождаться, когда Сэмюель скажет что-нибудь первым. Ида попыталась определить, в каком он настроении.

Одетый во все лучшее для путешествия в главный город колонии, Сэмюель заерзал на сиденье, когда карета, накренившись, тронулась в путь, отъезжая от огромного дома. Громко жужжала оказавшаяся в западне жирная мясная муха. Сэмюель смотрел в окно на тянущиеся вдоль дороги высокие караджонги. Муха села на стекло и стала по нему ползать.

— Ну, и каков наш план? — разбил лед молчания Баркер.

Ида вздрогнула. Он обращается к ней?

Сэмюель ответил, не глядя на камердинера:

— Ты сам знаешь, что нам предстоит.

— Я не об этом, — сказал Баркер. — Мы едем в Мельбурн. Будет нехорошо не отведать всех лакомств Гоморры.

Сэмюель метнул в его сторону колючий взгляд.

— В бордель мы не пойдем.

Ида покраснела.

Вспомнив о ее присутствии, Сэмюель почувствовал себя неловко.

— Извини, Ида. — Он вновь отвернулся к окну, однако потом опять посмотрел на девушку. — Сегодня ты выглядишь довольно мило. Видно, что утром ты тщательно наряжалась.

Ида просияла.

— Спасибо, мистер Хакетт.

— Кто может нам это запретить? — проворчал Баркер, по-видимому, не собираясь сдаваться.

Сэмюель нахмурился.

— Тебе напомнить о том, что теперь я человек, занимающий определенное положение в обществе? — произнес он с таким видом, словно не верил собственным словам.

Муха взлетела и зажужжала возле его лица.

— Это ты-то, секретарь? — фыркнул Баркер. — Тоже мне, большая шишка!

Сэмюель виновато улыбнулся Иде.

Баркер нахмурился, глядя на его брюки.

— В чем дело? Твоя штукавина что, не работает? В таком случае нашей прежней хозяйке повезло...

Камердинер рассмеялся собственной непристойной шутке. Ида ушам своим не верила, а Сэмюель, судя по всему, едва сдерживался, чтобы не выразить порицание. Девушка пожалела, что сиденье кареты не может разверзнуться и поглотить этого сквернословия. Тогда бы Сэмюель, оставшись с ней наедине, смог поддерживать вежливую беседу. Лично ей ужасно хотелось расспросить его о разбитом сердце и ужасной лжи, на которую решилась его покойная невеста.

— Не волнуйся. Я уверен, что все сработает как часы, — заявил Баркер.

Муха уселась на обивку сиденья между ним и Идой, и камердинер прихлопнул

насекомое ребром ладони.

В карете повисла гнетущая тишина. Экипаж покинул земли Саммерсби, проехав через кованые чугунные ворота, и покатил по усыпанной гравием дорожке к Кастлмейну. Баркер некоторое время разглядывал костюм Сэмюеля. Затем, потянувшись, вытащил из внутреннего кармана сигару.

— Огонька бы, — произнес он.

Сэмюель, с трудом сдерживая гнев, вытащил из кармана коробок спичек. Прикурив, Баркер оставил их у себя.

— Ладно, — сказал он. — Если ты так боишься подхватить лобковых вшей, в дом к кошечкам мы не пойдем.

Сэмюель устремил на него ледяной взгляд.

— Позволь напомнить тебе, Баркер: ты обещал помогать мне во время поездки.

— Да, обещал, — поднеся сигару ко рту и втягивая в себя воздух, ответил камердинер.

Ему никак не удавалось раскурить ее, и он вновь потянулся за спичками.

— Я, например, нашел для тебя эту первостатейную дуру Иду.

Девушка почувствовала себя так, словно он отхлестал ее по щекам. Если бы это было сказано в доме, когда они были наедине, она не стала бы особо переживать, но теперь, при мистере Хакетте...

— Это не вы *нашли* меня, мистер Баркер, — стараясь сохранять достоинство, произнесла Ида. — Меня нашла покойная мисс Грегори. А еще вы грубите мистери Хакетту.

Баркер наклонился вперед, раскуривая сигару.

— Ей кажется, будто бы, пока она убирает, по дому бродит собака.

Он постучал себя по голове длинным пальцем.

— Полная дура.

Сэмюель опять взглянул на Иду. В его глазах не было жалости, лишь доброта.

— Прошу прощения за его поведение, Ида, — произнес он. — За это время ты стала мне другом — другом, которого я ценю, и не заслуживаешь того, чтобы тебе грубили. — Он кашлянул, смерив камердинера ледяным взглядом. — Баркер тоже мой друг. Он предан мне, а я — ему, но иногда я думаю, не слишком ли...

Камердинер хихикнул, ожидая, чем же все закончится.

— Кое-кто заметил, что нас связывают почти что братские отношения, а ты сама знаешь, что братья иногда могут ссориться и браниться, хотя это и не очень хорошо. У Баркера непростой характер. Ты и сама это уже поняла, наверное...

Ида с немым укором уставилась на камердинера, а тот тем временем продолжал раскуривать сигару.

Девушка решила направить беседу в интересующее ее русло.

— Мистер Баркер сказал мне, что стал для вас своим человеком сразу же после того, как вы прибыли из Англии, мистер Хакетт.

— И то верно, — подтвердил Сэмюель. — Я рад был с ним познакомиться... Пожалуй, мы оба...

Он смерил Баркера оценивающим взглядом.

— А вы давно сюда приплыли? — поинтересовалась Ида.

— В колонии я около четырех лет. Когда я сошел на берег, мне было чуть больше шестнадцати, примерно столько же, сколько тебе сейчас. Теперь мне кажется, что с тех пор минула целая вечность. Ты знала, что мы с Баркером одногодки?

Камердинер, зажав сигару в зубах, выглянул в окно. Рассказ Сэмюеля ему явно наскучил. — А вы тоскуете по дому? — спросила Ида.

Сэмюель задумался, словно и впрямь не знал ответа на заданный ему вопрос, вот только Ида показалось, что он просто не готов откровенничать.

— Австралия — прекрасное место, — наконец произнес он. — Здесь есть возможности, которых у меня не было в Англии.

— Что это за возможности?

— Ну...

Сэмюель растеряно заморгал и скрыл замешательство за лучезарной улыбкой. В очередной раз девушке захотелось, чтобы эта улыбка вечно согревала ее своим теплом. Затянутой в перчатку рукой Сэмюель провел по ее ручке. Второй раз в жизни он к ней прикасался. Ида опьянела от наслаждения.

— Возможность общения с такими милыми молодыми леди, как ты, например, — произнес Сэмюель.

Ида едва не лишилась чувств, когда он назвал ее «милой».

— В Англии такое невозможно, — добавил он. — Люди здесь куда более открытые, а разница в социальном положении мало что значит. Каждый способен стать тем, кем он захочет.

— А разве вы не джентльмен? — удивилась Ида.

— Ну, — ответил Сэмюель, — пожалуй что джентльмен.

— А разве у джентльмена мало возможностей, где бы он ни жил? — поинтересовалась она. — Зачем ради этого плыть в колонию?

Улыбка Сэмюеля чуть увяла, и он убрал руку.

— Что случилось с телом Билли? — поворачиваясь к Баркеру, спросил он.

— Я выбросил его на свалку, — глядя в окно, ответил камердинер. — Пусть вороны полакомятся.

В голове у Иды возник неприятный образ.

— Так звали маленького песика?

— Заткнись! — крикнул Баркер.

Однако когда он снова повернул голову к окну, Сэмюель утвердительно кивнул.

— Моя невеста его обожала, — тихо произнес он. — Она не смогла расстаться с тем, кого любила... *не смогла...*

Ида уловила в его словах недосказанность. У нее сжалось сердце. Любила ли мисс Грегори своего жениха?

Мужчины замолчали. Карета продолжала катиться в Кастлмейн, где им предстояло пересесть на поезд, идущий в Мельбурн. Мысленно Ида вернулась в столовую Саммерсби. Она вспомнила место на ковре, где, по ее представлению, умерла мисс Грегори. Было очень страшно думать о том, что хозяйка и ее пес скончались в один и тот же день. Девушка решила, что когда-нибудь мистер Хакетт проникнется к ней доверием и его улыбка будет искренней, а не успокаивающей. Вот тогда она и расспросит его об обстоятельствах этих двух смертей. Даже Ида понимала, что сейчас задавать эти вопросы неуместно.

Баркер, который притворялся, будто бы задремал, развалился на сиденье, еще больше потеснив Иду. Его веки были опущены, руки сложены на груди.

— Думаешь, она вспомнит? — вдруг спросил камердинер.

Ида вздрогнула.

— О чем вспомнит?

Звук оплеухи был похож на ружейный выстрел. Ида увидела, как Баркер схватился за щеку. Карета накренилась, когда Сэмюель набросился на долговязого камердинера и схватил его за воротник.

— Думаешь, ты можешь мной помыкать? — требовательно спросил мистер Хакетт.

Баркер был прямо-таки ошеломлен таким поворотом.

— Нет.

— Дальше.

Сэмюель ждал, не убирая рук от его шеи.

— Дальше... — повторил он.

— Нет, мистер Хакетт.

Сэмюель тряхнул его так, что порвал воротничок.

— Нет, *сэр*, — сказал Баркер.

Несколько секунд мужчины смотрели друг другу в глаза. Наконец, отпустив порванный воротник Баркера, Сэмюель уселся на место.

— Так-то лучше, — сказал он.

Камердинер заерзал на сиденье.

— Это моя ошибка, — проскрипел он. — С какой стати ей что-либо помнить?

Он заметил, с каким изумлением Ида взирает на него, и усмехнулся ей широкой белозубой улыбкой.

За всю дорогу девушка больше не произнесла ни слова. Она решила, что так будет разумней. Вот только в ее голове все это время вертелись новые вопросы.

Во-первых. Мистер Хакетт позволяет камердинеру ужасные вольности. Почему? Что мешает ему избавиться от этого человека? Какова бы ни была причина, она перевешивает остальное. Что связывает Сэмюеля с Баркером?

Во-вторых. Что, ради всего святого, она должна помнить?

Иде не раз приходило в голову, что ее жизнь на новом месте станет более осмысленной, если она начнет прислушиваться к тому, что говорят другие. Теперь она решила, что так и впрямь будет лучше. Было неправильно считать подслушивание недостойным занятием. Ида оправдывала себя тем, что иначе ей вообще ничего узнать не удастся, а знать, что происходит, — неотъемлемое право каждого человека. В ее случае подслушивание было доказательством ее состоятельности как личности.

Ида дождалась у плотно притворенной двери. Большая дверь из полированного дуба выглядела весьма респектабельно. Девушка прочла на ней: *Г. П. Кларкенвелл, эсквайр, директор*. Признаться, Константин-холл ее разочаровал. Она иначе представляла себе сумасшедший дом: угрюмое место со стенающими несчастными, прикованными цепями к стенам. На поверку же это оказался благоустроенный, богатый особняк, очень похожий на Саммерсби. Несчастных больных нигде не было видно. Ида даже засомневалась, есть ли они здесь вообще.

А тем временем за дверью мужчина и женщина вели напряженную беседу. Женщину, служанку этого дома, Ида видела только мельком, прежде чем та скрылась в комнате. Ида почтительно ей поклонилась. Женщина была чуть старше ее, пожалуй, ей было лет двадцать пять. Немного полноватая, впрочем, ее это не портило. Звали ее Агги Маршал. Ида уже догадалась, что она служит в Константин-холле личной горничной леди. Мужчину звали

мистер Кларкенвелл. Наверняка он наниматель Агги... или нет? Это было не вполне ясно. Ида мельком видела его, когда горничная входила в его кабинет. Он был низкорослым и тучным. Глаза навывкате, как и у многих мужчин его комплекции и самомнения. Ида встала как можно ближе к двери, в то же время не забывая о том, что в коридоре может появиться кто-нибудь посторонний и застукать ее на горячем. После продолжительной беседы с мистером Кларкенвеллом Сэмюель Хакетт с Баркером отправились в сад. Иде приказали дожидаться, когда ее проведут к мисс Матильде, ее будущей хозяйке. Девушка надеялась, что стоять под дверью придется не слишком долго.

Судя по всему, Агги Маршал едва оправилась от потрясения, вызванного тем, что мистер Кларкенвелл вкратце пересказал ей то, что недавно узнал от Сэмюеля. Подслушивая, Ида вспоминала собственную реакцию на это известие, принимая в расчет, что у нее было гораздо больше времени, чтобы подготовиться. Сначала ей показалось, что это невозможно, но постепенно произошедшее стало казаться не только вполне возможным, но и типичным. Обман и вопиющая несправедливость по отношению к бедной леди укрепляли веру шестнадцатилетней Иды в то, что такова жизнь: если ты молода и не замужем, никто за тебя не заступится.

— И что вы намерены предпринять, сэр? — Ида услышала в голосе горничной строгие нотки.

Мистеру Кларкенвеллу явно не понравился ее тон.

— Знайте свое место, мисс Маршал, — произнес он, и стул под ним жалобно закрипел, — если хотите, чтобы мы и дальше работали вместе.

— Я работаю здесь уже четыре месяца, мистер Кларкенвелл. Мне кажется, что с меня довольно... Полагаю, мисс Грегори придерживается того же мнения... По крайней мере, до сегодняшнего дня она считала именно так. Когда вы сообщите ей о том, что я только что узнала, думаю, она будет вне себя...

Иде казалось, что теперь она легко может угадывать, что же происходит во время тягостных пауз. Мистер Кларкенвелл кашлянул. Ида представила себе, как горничная Агги внимательно смотрит ему в глаза, пытаясь понять, о чем он думает.

— Ну... а мне теперь все *яснее ясного*, — в голосе Агги звучал непередаваемый цинизм.

— Еще раз вынужден напомнить вам о вашем месте и об уважительном тоне, которым вы должны обращаться к вышестоящему лицу, — сказал мистер Кларкенвелл.

— Я личная горничная мисс Грегори, сэр, не более того, — ответила Агги.

Ида представила, как Кларкенвелл сжимает под крышкой стола свои жирные серые пальцы.

— И вы хотите, чтобы *именно я* сообщила ей о случившемся?

Судя по всему, этого мистер Кларкенвелл и добивался. Стул под ним жалобно застонал, но уже несколько иначе. Ида представила, как директор откидывается всем телом назад. Ей казалось, что мисс Грегори будет только рада, если ей сообщат, что ее заточение в сумасшедшем доме — ошибка. Почему же мистер Кларкенвелл так хочет спихнуть эту обязанность на кого-нибудь другого?

— Вы трус, — произнесла Агги.

Ида улыбнулась. Ей нравилась храбрость этой женщины.

— Ладно, — продолжала Агги, — я передам мисс Грегори то, что вы мне только что рассказали.

— Следует избежать скандала, — послышался из-за двери мужской голос.

— Да неужто? С какой стати? — спросила Агги. — Бойтесь, что дело дойдет до суда? Ну, учитывая то, что вы мне сообщили, тревожиться вам есть о чем.

Ида услышала, как выдвигают ящик массивного письменного стола. Что же мистер Кларкенвелл оттуда вытащил?

— Пожалуйста, не оскорбляйте меня, — раздался ровный голос Агги.

— Десять гиней, — произнес мужчина.

Ида ощутила сильнейший душевный трепет. Неужели директор пытается подкупить Агги?

— Так много! — изумленно произнесла женщина. — Уверена, что на эти деньги я смогу купить себе что-нибудь очень миленькое.

Снова стало тихо. Ида услышала, как кряхтит мистер Кларкенвелл, и решила, что он выписывает Агги чек.

— Вот, — произнес наконец мужчина.

Послышался звук рвущейся бумаги. Мистер Кларкенвелл, задыхаясь, поднялся на ноги, резко отодвинув стул, на котором прежде сидел.

— Можете подавиться своими деньгами! — воскликнула Агги. — Я служу мисс Грегори, а не вам, и останусь ей верна.

— Константин-холл оплачивает вам... — начал мистер Кларкенвелл.

— Из денег покойного отца мисс Грегори, если уж на то пошло, — оборвала его Агги. — Что же до скандала, то его не будет, если вы на этот раз проявите почтение и порядочность, которых прежде моя хозяйка от вас не видела. Она не та, за кого вы ее все время принимали!

Горничная так сильно рассердилась, что уже, по-видимому, не отдавала себе отчета в том, что кричит.

По-прежнему восхищаясь нагловатой храбростью Агги, Ида вообразила, как трудно мистеру Кларкенвеллу сдерживать гнев. Она представила себе его пухлые кулаки, лежащие на столешнице.

— Позвольте напомнить вам, что покойный отец мисс Грегори считал, будто его дочь больна, — произнес мистер Кларкенвелл раздраженно. — Именно поэтому он решил направить ее в Константин-холл!

— Возможно, он и считал *Маргарет* Грегори больной, — не полезла за словом в карман Агги, — но моя хозяйка не Маргарет, мистер Кларкенвелл! Она Матильда. И была ею все время, пока жила здесь. Теперь *Маргарет* мертва, а Матильда — наследница состояния.

Ида представила, как одутловатое лицо Кларкенвелла исказилось от напряжения и глубокие морщины избороздили его дряблую кожу.

— Ситуация... весьма неординарная, — задумчиво произнес директор.

Ида вообразила, как он вытаскивает носовой платок из пиджака и вытирает лоб, на котором выступила испарина.

— Особенно для моей хозяйки, которую заперли здесь по ложному обвинению, — произнесла Агги.

— Такова была воля ее покойного отца, — попытался урезонить ее директор.

— Вы не только извратили ее, но и получили из возникшей ситуации максимальную выгоду, — напомнила Агги. — Ведь в этом суть скандала, сэр, не так ли? Постоянное проживание в Константин-холле обходится недешево, однако покойный мистер Грегори мог себе это позволить. Единственная проблема, как мы сейчас видим, заключается в том, что после его смерти никто не сможет подтвердить, что мы заперли здесь именно ту дочь,

которая нуждалась в лечении. Уверена, что для вас будет выгоднее ничего не перепроверять.

Внезапно Ида почувствовала прикосновение к своим ногам и вздрогнула. Небольшой белый терьер, появившийся, казалось, из ниоткуда, уставился на нее снизу вверх, помахивая хвостом. Глаза Иды едва не вылезли из орбит. Собака была удивлена столь странной реакцией человека, но затем с удвоенным усердием попыталась проявить дружелюбие. Ида осторожно потянулась к ней и нежно погладила. Обрадованная собачка принялась лизать ей пальцы, а затем с довольным видом уселась у ног.

А тем временем мистер Кларкенвелл произнес за дверью:

— После того как вы сообщите мисс Грегори все, что мы узнали от мистера Сэмюэля Хакетта, скажите ей, что она свободна.

— И все? — спросила Агги Маршал. — Вы считаете, что так будет *честно*?

Ида поняла, что горничная сейчас откроет дверь, и отступила на шаг, чтобы Агги не подумала, будто она подслушивала их разговор. При появлении женщины маленький терьер подбежал к ней, махая хвостом.

— Гавкуня, маленькая негодяйка, — тихо произнесла Агги, нагнувшись и поцеловав собачку. — Вы подслушивали?

Ида покраснела.

Белый терьер застучал хвостом по полу и лизнул Агги в подбородок.

— Отстань! — приказала горничная, по потом снова поцеловала и крепко обняла собачку. — Хорошая девочка. Хорошая... Гавкуня была бездомной. Однажды она пришла к нам в сад и стала жить в этом доме.

— Очень мило, — улыбнувшись, произнесла Ида, не найдя, что еще сказать.

— Сначала она питалась объедками, пока я не взяла ее под свое покровительство, — выпрямляясь, сказала Агги. — Теперь она считает меня своей хозяйкой.

Ида вновь улыбнулась и вдруг почувствовала неловкость, заметив, что женщина смотрит на нее оценивающе. Живя в городе, Агги выглядела гораздо нарядней, чем она.

— Я только недавно поступила в услужение, — желая объяснить, что к чему, произнесла Ида. — Можно сказать, что я еще учусь.

— Вы прежде не жили в большом доме?

— Нет, я новенькая в Саммерсби.

Хмыкнув, Агги кивнула, принимая это объяснение.

— Полагаю, вам уже известно все, о чем я только что говорила с мистером Кларкенвеллом.

Ида не знала, как лучше ответить, чтобы не выдать себя. Как-никак, она подслушивала не один раз, а целых два.

— Я знаю только, что мы приехали сюда за мисс Грегори, по отношению к которой была проявлена большая несправедливость, — наконец произнесла девушка.

Агги нахмурилась, но глядела при этом не на Иду, а на Гавкуню.

— И что же нам теперь делать? Вот в чем вопрос.

— Вы ведь личная горничная мисс Грегори?

Агги кивнула.

— Разве ваши услуги не понадобятся ей в Саммерсби?

Похоже, женщина прежде не задумывалась об этом.

— А какие там порядки? — спросила она.

Ида постаралась рассказать обо всем как можно подробнее, прекрасно осознавая, что ей

представился шанс обзавестись подругой. Если ей удастся убедить Агги поехать с ними, одиночеству придет конец. Ида попыталась описать, как ведется хозяйство в Саммерсби, хотя, признаться, и сама мало что в этом понимала. Особое внимание она уделила недостаткам, например, небольшому числу домашней прислуги.

— Как, ради всего святого, вы со всем справляетесь? — ахнула Агги.

Ида видела, что ее честный ответ не особо впечатлил молодую женщину, которая наверняка относилась к своей работе более добросовестно.

— Полагаю, ваша семья живет в Мельбурне? — спросила Ида, уже решив, что ей не удастся заманить горничную в Саммерсби.

Агги отрицательно покачала головой.

— Я одна на свете, — произнесла она. — Я родом из Бичворта, а не из Мельбурна. Все мои близкие уже отошли в мир иной. У мисс Грегори я служу последние четыре месяца, с тех пор, как прежняя прислуга, мисс Хайнес, рассчиталась.

— А-а-а, — протянула Ида, чувствуя, что в ее душе вновь появляется надежда. — А почему бывшая горничная захотела уйти?

Агги взглянула на нее так, словно услышала глупый вопрос.

— Я в услужении с пятнадцати лет, прошла путь от помощницы кухарки до личной горничной леди. Я посвятила этому почти десять лет, однако ничего не получила взамен, лишь подурнела и утратила надежды.

Лицо Иды, должно быть, выразило изумление и уныние, и Агги поспешила смягчить свои слова улыбкой.

— Впрочем, ничего ужасного в такой жизни нет. Ничего такого, о чем нельзя было бы на время забыть, отправившись на прогулку в такой вот ясный, солнечный день.

— В Саммерсби есть отличные места для прогулок, — сказала Ида. — Сами увидите.

Кажется, Агги наконец приняла решение.

— С моей госпожой поступили очень нехорошо.

Ида была полностью с этим согласна.

— Она заслужила доброе отношение к себе.

— Именно поэтому я и приехала сюда, — сказала Ида.

Агги бросила на нее подозрительный взгляд.

— Вместе с мистером Сэмюелем Хакеттом и его слугой мистером Баркером, — пояснила Ида. — Они ждут снаружи. Мы приехали сюда, чтобы попытаться исправить эту вопиющую несправедливость. Мы отвезем мисс Грегори домой. Мистер Хакетт — самый любезный и красивый джентльмен из всех, кого мне доводилось встречать. Подождите, вы сами его увидите.

Агги удивленно приподняла брови. Ида почувствовала смущение из-за того, что выказала свои чувства при постороннем человеке.

— Не то чтобы я встречала много джентльменов, — быстро добавила она, — однако уверяю вас: разочарованы вы не будете.

Агги взглянула собачонке в глаза.

— Когда-то я пообещала себе, что останусь рядом со своей доброй госпожой до конца своих дней, — тихо проговорила она.

— А мисс Грегори добрая? — поинтересовалась Ида.

Агги, подумав, произнесла:

— Она самая добрая из всех хозяев, что были у меня прежде.

Ида воспрянула духом.

— А еще она унаследовала особняк и большое состояние.

Пока Агги гладила собачонку, Ида наблюдала за ней. Было видно, что женщина размышляет. Ида подумала, что к личной горничной мисс Грегори следует проявлять должное уважение. Даже с ее любимой Гавкуней придется считаться.

Девушка стояла на пороге спальни мисс Грегори и смотрела на Агги, разглядывавшую отражение лица своей хозяйки в зеркале. Ида догадывалась, какие чувства бурлят в душе у горничной.

— Вы сегодня прелестно выглядите, мисс, — произнесла Агги.

Ида отметила, что хрупкая красота Матильды Грегори заставляет ее горничную обращаться с ней очень заботливо. Девятнадцатилетняя хозяйка Саммерсби казалась существом из иного мира, гостьей, заглянувшей на землю лишь для того, чтобы в скором времени отправиться отсюда напрямик на небо. Ида, видевшая Маргарет Грегори, удивлялась поразительному сходству обеих сестер, по крайней мере, внешнему. Они были похожи друг на друга как две капли воды.

Услышав слова Агги, Матильда просияла. Густые темные волосы, тщательно уложенные под элегантной шляпкой, обрамляли ее оливковое лицо. Карие глаза поражали глубиной. Агги взглянула на свое отражение в зеркале. Оттуда на нее смотрела невзрачная, ничем не примечательная молодая женщина. Красота Матильды затмевала ее.

— Мы готовы? — спросила горничная.

На лице мисс Грегори промелькнуло недоумение.

Прежде чем госпожа высказала его вслух, Агги напомнила ей:

— Мы покидаем Константин-холл. Это Ида, она нам поможет.

Взглянув на Иду, Матильда кивнула.

— Да... конечно... Мы, да... Я готова. Спасибо, Маршал. — Поднявшись на ноги, мисс Грегори в последний раз взглянула на себя в зеркало. — Желтое платье мне нравится.

— Думаю, в самое ближайшее время мы купим вам новые платья, — произнесла Агги, поглядев на Иду, которая улыбнулась ей в ответ. — Разных расцветок, на все времена года. Полагаю, это будет очень мило.

— Когда мы уезжаем?

— Как только покинем эти стены, — сказала Агги, слегка пожимая затянутую в перчатку ручку Матильды. — Это будет замечательно, верно?

— А когда мы вернемся? — спросила мисс Грегори.

Агги проявила завидное терпение.

— Мы не вернемся сюда. Мы больше не увидим Константин-холл, мисс.

Иде показалось, что Матильда обдумывает услышанное, словно до сих пор ей никто ничего не сообщил. В душу девушки закралось подозрение, что мисс Грегори не только кажется существом из иного мира, она на самом деле *со странностями*.

— В таком случае я должна попрощаться с мистером Кларкенвеллом.

Агги такая перспектива явно не обрадовала.

— Вы уже с ним попрощались, — заявила она, взмахом руки давая Иде понять, чтобы та открыла дверь, ведущую в коридор.

Ида так и поступила.

— Я уже попрощалась с мистером Кларкенвеллом?

Замешательство Матильды нарастало.

Сбитая с толку тем, чему только что стала свидетельницей, Ида отступила в сторону, наблюдая, как Агги выводит госпожу в коридор, а затем направляется вместе с ней к лестнице. Ида хотела прикрыть за ними дверь, однако Агги отрицательно покачала головой, и девушка, оставив все как есть, последовала за ними вниз.

— Вы забыли об этом потому, что это не важно, — продолжала импровизировать Агги. — Мистер Кларкенвелл поздравил вас с выздоровлением.

Она улыбалась и ободряюще кивала головой. Матильда тоже улыбнулась и закивала, словно имела дело не с фантазиями, а с настоящими воспоминаниями.

— Верно. Он меня поздравил. Мне и впрямь сейчас гораздо лучше, Маршал, лучше, чем я чувствовала себя... Господи...

Агги развеяла нарастающее замешательство еще в зародыше.

— Очень давно, — подсказала она. — Сегодня вы просто лучезарны. Уверена, что ваш родственник тоже это заметит.

Она положила ручку Матильды поверх перил и стала вместе с ней осторожно спускаться по ступенькам. Ида шла сзади, завороженная странностью происходящего.

— Мой родственник... — задумавшись, произнесла Матильда. — Да... у меня есть родственник...

— Да, мисс, родственник, — сказала Агги. — Ида говорит, что он очень приятный джентльмен, довольно молодой, но уже не мальчишка. Ида приехала вместе с ним. Вы помните, что я сказала вам насчет ее слов?

Матильда решила, что помнит...

— Его манеры... Ида говорила о его манерах, Маршал?

— Да, — ответила Агги и, оглянувшись через плечо, одобрительно улыбнулась Иде.

— Она сказала, что у него отличные манеры. Теперь я вспомнила. Она сказала: у него манеры истинного джентльмена.

— Вот именно, — поддакнула Агги.

— А какая у него прическа? Она сказала, что его прическа мне понравится.

— Да, — произнесла Агги. — Прическа очень аккуратная. Ида уверяет, что так оно и есть. Он очень элегантен.

Матильда улыбнулась.

— Я думаю, что он обязательно мне понравится.

Они вместе достигли лестничной площадки. Потоки солнечного света лились на них через витражное окно.

— Я тоже так считаю, — заверила Агги хозяйку, ведя ее по последнему лестничному пролету.

— И он меня ждет?

— Он снаружи, — сказала Агги. — Так ведь, Ида?

Красивая молодая леди посмотрела на Иду, и та в свою очередь указала рукой на украшенную резьбой входную дверь. Спустившись по лестнице и миновав прихожую, они окажутся снаружи.

— Он преодолел долгий путь ради встречи с вами, мисс, — произнесла Ида. — Он желает произвести на вас хорошее впечатление.

Матильда замерла.

— Зачем? — На ее лице мелькнуло разочарование. — Какое ему дело до того, что я о

нем подумаю?

Ида запнулась, не зная, что на это ответить. Агги положила руку хозяйке на спину и легонько подтолкнула ее, однако молодая леди продолжала стоять на месте, вцепившись в перила.

— К чему все это, Маршал? — спросила она, не обращая внимания на прикосновение горничной. — Пожалуйста, скажи мне об этом заранее. Если мне не понравится то, что ты скажешь, я вернусь к себе в комнату и больше не позволю никому разговаривать на эту тему.

Ида с ужасом почувствовала вину в этой перемене настроения. Агги же снова ответила с большим терпением и тактом. Было видно, что она привыкла к непостоянству своей хозяйки.

— Он волнуется из-за того, что вы можете о нем подумать, исключительно потому, что осознает свою ответственность, — произнесла Агги. — Вернее, он бы хотел, чтобы вы позволили ему взять эту ответственность на себя.

Горничная подождала, когда сказанное дойдет до сознания ее госпожи.

Теперь настал черед Иды.

— Он знает, что вы не будете ему доверять, если он не сможет вам понравиться, мисс. Поэтому он волнуется. Понимаете?

Она взглянула на Агги, желая понять, одобряет ли горничная то, что она сказала, однако та была настолько поглощена хозяйкой, что даже не посмотрела на Иду.

Подозрительность Матильды растаяла, вновь сменившись смущением. Агги воспользовалась удобным моментом и опять зашагала вместе с леди вниз по ступенькам.

Они ступили на мозаичный пол вестибюля. Поток яркого солнечного света освещал внушительную входную дверь.

— О какой вообще ответственности идет речь? — спросила Матильда, вновь поймав нить разговора.

Агги, воспользовавшись моментом, увлекла ее дальше. Ида увидела, что дверь в приемную закрыта. Наверняка за ней прячется трусливый мистер Кларкенвелл. Гавкуня терпеливо ожидала у вешалки. Агги накинула на шею собачки веревку, которую использовала вместо поводка, и Гавкуня сразу потянула ее куда-то.

— Об ответственности за ваше благополучие, мисс, — ответила Агги на вопрос хозяйки.

Полированная медная ручка входной двери была уже совсем близко.

— Об ответственности за ваше здоровье и счастье...

Агги вытащила из кармана ключ от входной двери. Ида подумала о том, что, без сомнения, ей не терпится покинуть это здание.

Матильда вновь внезапно остановилась. Сердце Иды сжалось от опасения, что она вдруг передумает.

— Я сомневаюсь, — произнесла мисс Грегори. — Мне хочется вернуться к себе в комнату.

По выражению лица Агги Ида поняла, что она не собирается ослаблять хватку, а намерена бороться до конца.

— В чем вы сомневаетесь, мисс? Скажите мне.

Матильда задрожала всем телом. Казалось, она готова обратиться в бегство.

— Мне не нравится, что на меня оказывают давление, чего-то от меня ждут...

— Разве это давление? Мы предлагаем вам выйти из дому в этот чудесный солнечный день. На вас такое миленькое желтое платье и лучшая из ваших шляпок, а волосы уложены в чудесную прическу.

Пальчики Матильды коснулись прядей, которые Агги весьма искусно завилла с помощью железных щипцов.

— Ты сказала, что он мне родня? — прошептала мисс Грегори.

На ее большие круглые глаза навернулись слезы.

Агги повернула ключ в замке и надавила на медную дверную ручку. Их залил поток солнечного света. Гавкуня первой выскочила наружу, натянув веревку — собаке не терпелось поскорее вытащить людей из дома.

— Он был помолвлен с вашей сестрой, бедной мисс Маргарет, которая умерла.

Агги взяла госпожу за руку и первой ступила на крыльцо.

Матильда увидела богато одетого, поразительно красивого молодого человека, который, похоже, был ее ровесником. Летнее солнце отливало золотом в его волосах. Сэмюель, бросив косой взгляд на Гавкуню, ступил вперед и улыбнулся, протягивая руку в серой перчатке.

— Он, можно сказать, ваш свояк.

Агги вложила руку своей хозяйки в ладонь Сэмюеля и отступила, сдерживая Гавкуню.

— Мистер Сэмюель Хакетт из Саммерсби, — представила хозяина сияющая Ида.

Матильда вышла на свет, на мгновение ослепивший ее. Солнце играло на загорелой коже Сэмюеля, на его губах, на золотых запонках для манжет и пуговицах жилета. Свободной рукой мисс Грегори постаралась заслониться от солнца. Сэмюель увлек ее чуть в сторону. Теперь солнце светило ей в спину, и Матильда смогла хорошенько рассмотреть джентльмена.

Он поднес к губам ручку в кружевной перчатке и поцеловал ее.

— Мистер Хакетт! Это мисс Грегори, — сказала Ида, — мисс *Матильда* Грегори, наша новая хозяйка.

Она видела, какое сильное впечатление произвела на леди красота Сэмюеля. Она и сама взглянула на мистера Хакетта с еще бо́льшим восхищением. Черты его лица были удивительно правильными и приятными, словно он сошел с картины. Ида понимала, как легко влюбиться в такое лицо.

— Мисс Грегори, нас свели вместе весьма печальные обстоятельства, — отпуская ручку Матильды, произнес Сэмюель. — Я уверен, что вы так же скорбите из-за кончины вашей любимой сестры, как я скорблю об утрате горячо любимой невесты.

Матильда взглянула на Агги и по ее виду поняла, что от нее ожидают ответа.

— Жаль, что она ко мне не приезжала, — произнесла мисс Грегори и вновь взглянула на горничную, ища в ее глазах одобрение.

Но не нашла.

— Она ни разу ко мне не приехала... по крайней мере... я не помню этого... — пробормотала Матильда. Она была явно не в состоянии вести связную беседу. — Почему она держалась в стороне от меня? Прежде она не любила, когда мы расставались.

Сэмюель ответил ей без тени неодобрения. На его лице читались глубочайшее сочувствие и, что особенно тронуло Иду, смущение.

— Я хотел бы объяснить поведение вашей сестры, но не знаю, что сказать.

Откашлявшись, он взирал на Матильду со смирением и серьезностью.

— С вами поступили очень нехорошо, мисс Грегори, однако я не знаю почему и как... В любом случае, все это в прошлом.

Матильда, похоже, совсем потерялась в его васильковых глазах.

Ида обратила внимание на ссутулившегося Баркера, темноволосого, угрюмого, взиравшего на происходящее из нанятого ими экипажа, оставленного на засаженной

деревьями улице позади кованой ограды. Он не спускал глаз с Сэмюеля, глядя на него из-под взлохмаченных волос.

— Значит, больна была моя сестра? — осторожно осведомилась Матильда.

Агги выступила вперед.

— Да, мисс, я уже говорила вам об этом. Никто не считает вас больной... больше не считает. Правда ведь, мистер Хакетт?

Она повернула голову к Сэмюелю.

Джентльмен ответил дрогнувшим голосом, не сводя глаз с Матильды:

— Проблемы со здоровьем были у моей невесты.

Ида видела, как Баркер вошел в калитку и ступил на дорожку, ведущую к портику.

Сэмюель наконец справился с волнением.

— С вами поступили нехорошо, мисс Грегори. Я не знаю, как им это удалось. Я уже говорил, что это случилось до того, как я начал ухаживать за Матильдой... Маргарет, — поправил он себя, — до того, как я начал ухаживать за Маргарет и познакомился с вашим дорогим покойным батюшкой.

Ида внимательно прислушивалась к его словам. Очень многое оставалось для нее загадкой. Сэмюель обратил на нее внимание, когда Баркер подошел и встал рядом с ним. Мужчины переглянулись. По выражению их глаз нельзя было понять, о чем они думают.

— Я должен признаться, что не имел представления о вашем существовании до тех пор, пока не прочел завещание моей покойной невесты, — сказал Сэмюель Матильде и подвел черту под дальнейшими объяснениями. — Если бы я узнал правду раньше, то сделал бы все от меня зависящее, чтобы исправить несправедливость.

Ида моргала, пытаясь осмыслить услышанное. Вдруг Баркер кашлянул. Сэмюель с неохотой представил его.

— Это... мой камердинер Баркер, мисс Грегори, — несколько отстраненно произнес он, махнув рукой в сторону мужчины, одетого во все черное, — незаменимый человек.

Баркер широко усмехнулся, показав крепкие белые зубы. Ида отвернулась, чтобы не видеть этого.

— Для меня будет удовольствием заботиться о комфорте госпожи, — с заметным акцентом произнес Баркер.

— Ты не был тогда камердинером, — бросив взгляд на слугу, произнесла Матильда.

Улыбка Баркера застыла на губах.

— Ты работал в другом месте... У нас не было камердинера. Ты помогал на конюшне?

Баркер посмотрел на Сэмюеля.

— Уверен, что мисс Грегори права. У меня не такая хорошая память...

К ним подошла Агги.

— Память мисс Грегори иногда ее подводит, — тактично сообщила она.

Сэмюель виновато улыбнулся.

— Как и я, мистер Баркер живет в Саммерсби не очень давно. Возможно, он напомнил ей другого слугу.

Матильда снова взглянула на Баркера, а потом многозначительно улыбнулась ему.

— Ты тогда безумно влюбился...

Камердинер отступил назад, едва заметно поклонившись, и Ида заметила на его шее красный след, оставшийся после стычки с Сэмюелем.

Мистер Хакетт протянул Матильде руку. Она с непринужденностью вложила свою ручку

в его ладонь, словно знала его уже по крайней мере несколько месяцев, а не пару минут.

— Позвольте мне проводить вас к карете, — произнес Сэмюель. — Я с нетерпением ожидаю, когда вы станете моей гостьей в Саммерсби, прежде чем решите, каковы будут ваши планы на будущее, мисс Грегори.

Ида удивленно вздрогнула.

— Разве Саммерсби не принадлежит мисс Грегори? — не подумав, спросила она.

Сэмюель и Матильда остановились.

— Ну да... конечно, — пробормотал джентльмен.

Он одарил Иду улыбкой, выражая благодарность за то, что она указала на допущенную им неточность.

— Согласно завещанию моей покойной невесты и учитывая завещание ее покойного отца, Саммерсби всецело принадлежит мисс Грегори. — Сэмюель повернулся к Матильде. — Это ваш дом, в котором я лишь гость.

Ида обрадовалась тому, что не ляпнула глупость, а также не выдала, что подслушивала под дверью, однако ей хватило одного взгляда на лицо Баркера, чтобы понять: она допустила ошибку.

Матильда выглядела растерянной.

— Саммерсби... Я ведь там когда-то жила?

Агги утвердительно кивнула.

— Полагаю, что так оно и было, — сказал Сэмюель.

Ида проводила их взглядом до кареты и уже собиралась последовать за ними, но тут Агги обратила внимание на то, как Баркер неодобрительно хмурится, глядя на Гавкуню. Собачка нетерпеливо натягивала веревку, которую горничная сжимала в руке.

— Это животное принадлежит вашей хозяйке? — спросил камердинер.

— Нет, мистер Баркер, — ответила Агги. — Я имею в виду... не совсем...

— Хорошо. Тогда избавьтесь от него, — отрезал Баркер. — В Саммерсби не место комнатным собачонкам.

И он зашагал по дорожке вслед за Сэмюелем.

Агги смущенно уставилась на Иду.

— Но... мистер Баркер! — крикнула она вдогонку.

Камердинер повернулся, уставившись на них. В его темных глазах не было ни капельки тепла.

— Я тоже еду с вами... — начала Агги. — Что моя хозяйка будет делать без меня?

— Меня это не касается, — ответил Баркер. — Если вы намерены ее сопровождать, то поторопитесь. Но собака с нами не поедет. Ясно?

Ида подумала, что с нее на сегодня довольно.

— Почему она не может взять с собой собачку? От такой крошки не будет никакого вреда.

Камердинер развернулся и снова подошел к ним.

— Ты хочешь спорить со мной, Ида?

Девушка решила не поддаваться.

— Саммерсби большой и просторный. Гавкуня не будет вертеться у вас под ногами. Не будьте таким бессердечным.

Баркер сжал кулаки.

— Нет.

Ида вспомнила о бедной собачке, которая умерла.

— Прежде там уже жила собака.

— И этого больше не повторится.

Лицо Баркера приняло прямо-таки убийственное выражение.

— Вы бессердечный ворчливый...

Агги положила ладонь на руку девушки, заставив ее замолчать.

— Все в порядке, Ида, — прошептала она. — Я не хочу ссориться с мистером Баркером.

Я у вас новенькая. Гавкуне неплохо будет и здесь, в Константин-холле.

Усаживаясь во второй экипаж, поменьше, нанятый Сэмюелем для перевозки багажа, Ида бросила последний взгляд на собачонку, привязанную у входной двери Константин-холла. Бедное животное не понимало, почему же с ним не гуляют. При виде ее отчаяния сердце девушки сжалось. Ида понимала, что Агги очень тяжело, и решила, что лучше сейчас думать о новой хозяйке. Она была уверена, что теперь у мисс Грегори все будет хорошо. Агги останется при ней. Кто-нибудь в Константин-холле будет кормить Гавкуню... Ида пыталась убедить себя в этом...

Когда экипажи тронулись с места, Ида постаралась не обращать внимания на истошный лай Гавкуни, однако ничто не могло заглушить этих пронзительных звуков. Девушка стала перечислять в уме открытия, которые она сегодня сделала.

Во-первых. Сэмюель знал мистера Грегори, покойного отца сестер. Прежде Иде не приходило в голову поинтересоваться, когда он появился в Саммерсби, однако теперь ей было известно, что это случилось, когда мистер Грегори был еще жив. Но при этом Сэмюель до сегодняшнего дня не встречался с Матильдой.

Во-вторых. Матильда ошибочно приняла Баркера за слугу, которого знала прежде. Причем она сказала, что он был слугой, но не камердинером... Ида видела, как Матильда смотрела на Баркера. Она могла в равной мере *на самом деле* узнать его или обознаться. Матильда упомянула о том, что Баркер был влюблен... В кого?

В-третьих. Баркер категорически отказался брать с собой Гавкуню. Может быть, он был настолько привязан к псу покойной мисс Грегори, что не выносит даже мысли о том, что его может заменить другая собака? Ида решила, что вряд ли. Баркер даже не позаботился о том, чтобы похоронить бедного Билли. Вместо этого он выбросил его труп на помойку.

Покойная мисс Грегори наняла Иду за ее любознательность. Какой бы вероломной ни была покойница, девушка поклялась себе, что ничто не заставит ее сдать. Мисс Грегори увидела в ней потенциал, в то время как большинство людей, включая ее собственную матушку, не заметили ничего подобного.

Ида твердо решила оправдать оказанное ей доверие.

Бидди Мак-Брайд, веселая симпатичная девушка шестнадцати лет, первая посудомойка в доме преподобного Арчибальда Флауэрс, взахлеб рассказывала что-то своей лучшей подруге Квини, пятнадцатилетней второй посудомойке в том же доме, когда они направлялись к магазинам, расположенным на Бридж-роуд. Речь шла о тайном романе Бидди с Томом, посыльным из бакалейного магазина «У Топпа». Бидди утверждала, что красавчик Том разглядит симпатичную девушку, даже если она будет одета в обноски. Теперь они с Бидди влюблены друг в друга, но говорить об этом никому не следует.

— Вот и не говори, — простодушно ответила Квини, выслушав нелепое бахвальство подруги.

Надеявшаяся на более горячий отклик Бидди продолжала фантазировать, шагая по идущей под уклон Леннокс-стрит.

— Я очень мучилась, — пытаюсь расшевелить подругу, сказала Бидди. — Ты представить себе не можешь, каково мне было. Мое сердце пылало. Быть влюбленной просто замечательно. Все именно так, как описывают в романах, но в то же время ощущаешь такое бремя... ну, как будто ты заболела и слегла в постель. Для меня большое облегчение высказать тебе все, что накопилось.

Квини, казалось, умирала от скуки.

Бидди регулярно потчевала ее небылицами с тех пор, как полтора года назад Квини стала ее лучшей подругой. Некоторые из придуманных историй были настолько скандальными, что вызывали у Квини восторг, но сегодня она была не похожа сама на себя, и Бидди подозревала, в чем тут дело.

На этой неделе девушки подслушали разговор преподобного Флауэрс и миссис Реттрей, суровой экономки-шотландки, у которой посудомойки находились в подчинении. Речь шла о том, что необходимо найти горничную «наверх», и о трудностях, связанных с низкой квалификацией домашней прислуги в Мельбурне. Миссис Реттрей предложила обучить либо Бидди, либо Квини, сделав кого-нибудь из них «девушкой с верхних этажей». Экономка считала, что это предпочтительней, чем надеяться на волю случая и давать объявление в газету. Арчибальд Флауэрс согласился, что это разумно, хоть и напомнил экономке, что в его доме нет ни нижнего, ни верхнего этажей — он одноэтажный. Впрочем, интрига сохранялась недолго, ибо сразу же после этого миссис Реттрей сообщила преподобному, что из двух девушек предпочла бы Бидди, поскольку на нее гораздо приятнее смотреть.

Квини, подслушивавшая этот разговор за дверью вместе с Бидди, восприняла замечание экономки весьма остро, словно ей вонзили кинжал прямо в сердце. Она обратила на подругу полные слез глаза. Ужаснувшись глубине ее горя, Бидди не знала, что сказать. С тех пор они ни словом об этом не обмолвились. Бидди решила, что, если ей предложат повышение, она откажется. Лучше сохранить дружбу... Вот только шанса пожертвовать своими интересами ради подруги ей никак не представлялось, а Квини об этом даже не догадывалась. Если бы Бидди рискнула вновь поднять эту тему, ее подруга, без сомнения, опять начала бы лить горячие слезы. Воображаемый роман стал отдушиной. Бидди просто необходимо было о чем-то болтать, пока она обдумывала, с какой стороны подойти к главному.

Девушки дошли до места, с которого начиналась Леннокс-стрит. Стоял жаркий декабрьский день. Они вытерли потные лица носовыми платками и поправили широкополые

соломенные шляпы, заслоняя лица от солнца.

Квини повернулась к подруге.

— Как мне вести себя, когда мы войдем в магазин? — спросила она. — Теперь, когда ты мне открылась, я боюсь, что не выдержу.

Бидди была рада, что подруга все же поверила ее романтической истории.

— Любой намек на то, что ты все знаешь, любое *не такое* выражение твоего лица, и старый Топп накинется на нас! Он против этого.

— А что насчет Тома? Как я смогу разговаривать с ним, после того как *все узнала*?

Бидди заметила странное выражение, промелькнувшее в глазах у Квини. Она понятия не имела, о чем думает ее подруга.

— Я рассказала тебе обо всем потому, что думала, будто тебе можно доверять.

Бидди все больше входила в роль, радуясь тому, что Квини ей подыгрывает.

Они свернули вправо, на пыльную Бридж-роуд, и теперь шли в тени, которую отбрасывали веранды стоящих друг возле друга магазинчиков.

— Просто у меня мало опыта в том, что касается тайных романов, — заявила Квини. — Понятия не имею, что я могу сделать или ляпнуть, ведь мысли у меня только об одном...

Бидди решила зайти с козыря.

— Поворачивай и возвращайся в дом пастора!

— Зачем?

— Немедленно!

Бидди демонстративно выхватила корзинку у Квини и повесила ее себе на руку.

— Бидди...

— Ты что, погубить меня хочешь? Я все вижу!

Бидди поднесла дрожащий палец к губам. Ее глаза увлажнились от воображаемого горя. Палец сменила ладошка, которая должна была унять рвущийся из груди вскрик. Бидди развернулась на носках туфельек и поспешила к входной двери в бакалейный магазин «У Топпа» с таким видом, словно первое действие пьесы закончено и занавес уже ползет вниз.

Бидди была единственной покупательницей в магазинчике. Она позволила глазам немного привыкнуть к полутьме, одновременно сочиняя второе действие. Бросив взгляд на стекло витрины, девушка увидела Квини, в нерешительности стоявшую снаружи. Бидди не знала, сколько времени ее подруга пробудет там, прежде чем решится войти в магазинчик.

— Добрый день, Бидди, — раздался знакомый голос у нее за спиной. — Снова развлекаетесь своими глупыми играми?

Развернувшись, она встретила взглядом с улыбающимся Томом. Он был высок и строен, а еще, без сомнения, красив. Как и в большинстве случаев, ее искусная вышивка под названием «тайный роман» требовала нескольких стежков правдоподобия. Когда в магазине не было покупателей, Бидди и Том любили поболтать о том о сем. Хоть их беседы и не отличались особой глубиной, пустопорожней болтовней, которую часто можно услышать на улице, их также нельзя было назвать. Молодые люди обсуждали всякие любопытные факты, прочитанные, к примеру, в газете «Аргус» либо в какой-нибудь книге. Они делились взглядами на мир и интересных им людей.

— Не знаю, что сегодня с Квини, — подойдя к прилавку, сказала Бидди. — Настроение у нее меняется чуть ли не каждую минуту. Наверное, всему виной жара.

— Жара и впрямь просто ужасная, — согласился с ней Том. — Мне даже рукава

пришлось закатать.

Бидди притворилась, что до сих пор не обращала внимания на его мускулистые руки, которые ей нечасто доводилось видеть.

— Но здесь, признаюсь, не так уж и плохо, — сказал он. — На ртутном столбике — всего семьдесят пять.^[8] На трамвайных путях сейчас, полагаю, гораздо жарче.

Бидди обмахивала лицо ладонью, но после его слов прекратила это занятие.

— Тут, как в кулгардийском сейфе,^[9] довольно свежо, — заявила она, несмотря на то что ей было так жарко, что, казалось, мозги вот-вот сварятся в голове.

Впрочем, ради Тома она согласна была немного потерпеть.

Он взял стоявший на прилавке кувшин с водой, наполнил стакан и протянул его девушке. Их пальцы на долю секунды соприкоснулись. Том улыбался, пока Бидди пила.

— Спасибо, очень мило с твоей стороны, — сказала она.

— Ты собиралась купить что-нибудь к ужину преподобного? — спросил Том.

— Да, для начала... — Бидди отвела взгляд от его лица и пробежала глазами список покупок, составленный миссис Реттрей.

Глянув на витрину, девушка увидела, что Квини разговаривает со сторбленной старухой во вдовьем платье. Бидди нахмурилась. Почему-то ей стало не по себе. Она узнала пожилую миссис Довс, которая была слепа, вернее, почти слепа, и постоянно жаловалась на проблемы, которые возникали у нее из-за слабого зрения. Бидди считала миссис Довс вечно всем недовольной ханжой и понятия не имела, с какой стати Квини с ней заговорила. А потом она заметила, что содержимое корзинки старухи рассыпалось по земле, и догадалась, что Квини умудрилась с ней столкнуться.

Бидди снова повернулась к красавчику Тому.

— Надеюсь, у тебя остался приличный хлеб? — спросила она.

Он подал ей буханку.

— Вот.

— Он черный, — пренебрежительно произнесла Бидди. — Все знают, что черным хлебом не наешься. У тебя не найдется белого? Не идти же мне за ним в булочную.

— У меня хлеб прямо из пекарни, зазнайка. Самый свежий — для тебя.

Том взял более дорогую буханку белого хлеба и протянул Бидди. Девушка понюхала ее.

— Пахнет квасцами.

Том закатил глаза.

— В этом хлебе нет квасцов. Хороший белый хлеб из отличной пшеницы.

— Дай горячий нож, и я сама это проверю.

— Ты не коснешься этой буханки горячим ножом!

— А как мне еще удостовериться в том, что ты говоришь правду? — дразня Тома и получая от этого удовольствие, спросила Бидди. — Если там есть жженые квасцы, хлеб пристанет к лезвию, и я буду знать, что вы с Топпом нарушаете закон, продавая некачественные товары.

— Лучше клади эту чертову буханку к себе в корзину, — хмыкнул Том.

Бидди так и сделала. Она еще раз посмотрела в сторону витрины, но на этот раз не увидела ни Квини, ни вдовы. Бидди понятия не имела, куда они могли подеваться.

Когда все продукты из списка миссис Реттрей лежали в корзинке, девушка подумала, что из-за изнуряющей жары на этот раз не задержится, чтобы поболтать с Томом о том о сем, но тревога не успела зародиться в ее сердце, ибо Том упомянул о занимательной передовице,

которую он прочел в утреннем номере «Аргуса». Он считал, что и ей интересно будет узнать, о чем там идет речь.

— Слушаю, — сказала Бидди, которая никуда не торопилась.

— Но, если я повторю то, что прочел, ты можешь на меня рассердиться, — предупредил Том.

— И не подумаю, — насмешливо ответила она.

Он развернул газетный лист из неплотной бумаги и протянул ей.

— Христиане, — процитировал Том, — в наши дни больше не хотят проповедовать, а если и проповедают, миссионеры предпочитают держаться на безопасном расстоянии.

Бидди секунду обдумывала услышанное, а потом охнула. Том вновь рассмеялся, увидев выражение, появившееся на ее лице.

— В газете действительно так написано?

— Ага, и похлеще выражения есть, — забавляясь ее реакцией, произнес Том. — В «Аргусе» пишут, что в наши дни никто не желает слушать Слово Божье, которое вступает в противоречие с тем, чем дорожат большие шишки в Готорне и Кью.

— Неужели большие шишки в Кью не верят в Священное Писание?

— Ну... *они* утверждают, будто бы верят, говорят во время воскресных богослужений правильные вещи, но попроси их жить как истинные христиане, и никто не согласится, ибо на самом деле они верят только в то, что надо делать деньги, ведь выживает самый приспособленный. Они — наиболее приспособленные, и горе остальным.

У Бидди отвисла челюсть. Том еще пару секунд сохранял совершенно серьезное выражение лица, а потом подмигнул ей.

— Интересно, а преподобный прочел сегодня эту газету? — задумчиво проговорил он.

Бидди разразилась неистовым хохотом. Она прищурила глаза, окинула оценивающим взглядом фигуру парня с закатанными рукавами, а потом решила выдать лакомый кусочек из недавно прочитанного.

— Нет ничего удивительного в том, что люди перестали ходить в церковь, — сказала девушка. — Ты слышал о преподобном Дж. Биэ из прихода Ист-Мельбурна?

— Нет, а кто это?

— Ты хочешь сказать, что ничего не знаешь о преподобном Биэ, который поверг в невообразимый стыд свою паству? — изумленно спросила Бидди.

— Ну же, рассказывай, — попросил Том.

Она подалась вперед, прижалась к прилавку и произнесла, понизив голос:

— Он познал свою кухарку, не заключив с ней супружеских уз, а затем подкупил одного мужчину из Лилидейла, чтобы тот взял ее себе в жены.

— Ха-ха! — вырвалось у Тома.

— Потом преподобный распродал свою мебель и сбежал в Калифорнию. Просто отвратительно! Но это ничто по сравнению с тем, что натворил Четов Хьюс, преподобный из Балларата.

Том любил слушать Бидди независимо от того, правду она говорила или фантазировала.

— И чем же он отличился?

— Пригласил четырех девушек в свой роскошный дом, каждую угостил и воспользовался ими самым предосудительным образом. Через некоторое время врач обнаружил, что все четыре больны неизлечимой формой сифилиса.

Том вновь захохотал.

— Все эти истории были напечатаны в заслуживающих доверие газетах. Когда люди читают о таком, у них широко открываются глаза, — сказала Бидди. — Ты слышал о том, что преподобный Бут, методистский священник из Вангаратты, сделал с бедной собакой?

Они громко рассмеялись. В это время звякнул колокольчик над входной дверью, сообщая о появлении нового покупателя. Заслышав этот звук, Том вздрогнул и кивнул головой, но больше ничего делать не стал, поскольку покупательница тотчас же уселась на стул, явно радуясь возможности отдохнуть, и обслуживать ее пока что было не нужно. Бидди даже не потрудилась оглянуться, чтобы посмотреть, кто это. Ее распирало от желания как можно ярче разукрасить свой рассказ. Кажется, она даже не обратила внимания на то, что в магазине они теперь не одни.

— А еще преподобный Тейлор из баптистской церкви на Коллинс-стрит... — произнесла Бидди. Ее скандальные разоблачения достигли наивысшей точки. — Ты должен был *о нем* слышать, Том. Поговаривают, что ему пришлось сложить с себя сан за столь тяжкие прегрешения, что никакие земные муки не смогли заставить его хотя бы намекнуть, в чем они заключались...

Крик ужаса, раздавшийся у нее за спиной, заставил Бидди вернуться с небес на грешную землю. Оба вспомнили о страдающей от зноя покупательнице, которая обмахивала свое лицо, сидя на стуле. Это была миссис Довс.

— Постыдились бы! — воскликнула старуха, с трудом поднимаясь на ноги. — Что за мерзкая клевета! Какое бесчестье повторять ее!

С ужасающей определенностью Бидди подумала о том, что это Квини каким-то образом подослала сюда вдову, чтобы поймать ее на горячем.

— Миссис Довс, пожалуйста, позвольте вам помочь, — произнес Том и поспешил к старухе.

Бидди хватило присутствия духа наполнить стакан водой из кувшина, а затем протянуть его пожилой леди.

— Миссис Довс, вот, пожалуйста! Вы выглядите утомленной! Какой сегодня жаркий день!

— Бидди Мак-Брайд! Я сразу же узнала тебя по твоему бесовскому смеху, — прищурившись, произнесла миссис Довс.

— Миссис Довс, я...

— *Ты* служишь у преподобного Флауэрс, но при этом осмеливаешься говорить гадости о слугах божьих. Он подобрал тебя в сточной канаве!

Бидди залилась румянцем.

— Это неправда!

Старая история вернулась к ней, чтобы задеть за живое. Когда-то Бидди придумала себе сиротское прошлое в стиле романов Диккенса.

— Ты и сама прекрасно знаешь, что было именно так, как я говорю, неблагодарная девчонка! — принялась отчитывать ее миссис Довс, которой в свое время понравилась эта побасенка. — Ты жила без родителей, в грязи и позоре. Когда преподобный взял тебя в свой дом, у тебя ничего не было. И сейчас тоже нет.

Бидди покраснела до корней волос.

Том постарался сгладить ситуацию.

— Прошу простить нас за то, что мы говорили в вашем присутствии на неподобающие темы, миссис Довс. Не знаю, что на нас нашло. Мы просто обсуждали то, что написано в

«Аргусе», и, кажется, немного увлеклись.

Вот только пожилую леди было непросто сбить с толку.

— Мои бедные глаза уже не те, молодой человек, но разум по-прежнему острый, — заявила миссис Довс. — Вы оба вели себя словно два безбожных анархиста.

— Это неправда! — вскричала Бидди. — Я пришла сюда, чтобы купить кое-что по поручению миссис Реттрей.

— Вы злословите под носом у своих хозяев. Ты все равно что ударила в спину добропорядочного преподобного Флауэрса! Такова твоя благодарность за проявленное им христианское милосердие?

Бидди заметила в витрине Квини. Та насмешливо ухмылялась. Теперь Бидди убедилась в том, что Квини нарочно направила старуху в магазин «У Топпа», надеясь, что у ее подруги возникнут неприятности.

— Миссис Довс, прошу вас... Мы не хотели ничего плохого... Это просто глупая болтовня, — продолжала уверять вдову Бидди.

— Это заговор против Церкви! Именно этим занимаются анархисты и прочие нигилисты. Они хотят перестрелять добрых христиан, пока те спят в своих постелях.

— Миссис Довс, могу ли я вам помочь? Что желаете приобрести? — очень вежливым тоном, настолько, насколько это было возможно, произнес Том. Одновременно он кивком головы дал Бидди понять, что ей пора уходить.

— Ну... я даже и не помню... Услышанное стало для меня таким потрясением...

— Разумеется. Прошу прощения. — Взглядом он приказал Бидди поторапливаться. — Мы больше не будем. Вы все нам объяснили. Вы имели все основания на нас сердиться. Мы и не заслуживаем лучшего обращения.

Бидди с ужасом взирала на Тома и слушала, что он несет, но он продолжал делать ей знаки, чтобы она ушла. Взяв корзину с продуктами, девушка выскользнула за дверь, очень огорченная тем, как закончился антракт в ее пьесе.

Бидди аккуратно отрезала кусочек свежего белого хлеба без жженных квасцов. Он лежал на почетном месте — на доске в конце кухонного стола миссис Реттрей. В доме преподобного Флауэрса хлеб был в почете. Полтора года службы здесь научили Бидди многому. Теперь она умела, например, красиво нарезать хлеб. Для уважаемого и благородного человека вряд ли найдется что-нибудь столь же оскорбительное, как толсто нарезанный хлеб. *Рабочий люд* уминает огромные краюхи, макая их в растопленный жир. На большее их скудных заработков все равно не хватит. Уважающий же себя муж будет есть только тонко нарезанный хлеб. Бидди положила ломоть хлеба на маленькую тарелочку, а затем размазала сверху полную ложечку варенья. Семнадцать месяцев практики научили ее наносить варенье очень-очень тонким слоем.

Сделав книксен, Бидди протянула тарелочку преподобному Флауэрсу и стала ожидать дальнейших распоряжений. До ужина оставалось еще несколько часов. Около четверти часа назад преподобный выпил чашечку чаю. Бидди нервничала, когда оказывалась с ним лицом к лицу, но понимала, что пастору нужна аудитория, которая будет внимать каждому произнесенному им слову. Сегодняшняя проповедь касалась мельбурнского лета.

— Плохо, *хуже всего* то, дитя мое, что эта жара оказывает пагубное действие на молодые организмы, — пробубнил пастор, почесывая бакенбарды.

— Да, преподобный.

— Ты со мной согласна? Ну разумеется, ты хорошая девочка. Австралийская жара *иссушает*, понимаешь ли... именно так... Особенно подвержены этой пагубе молодые... Жара лишает их сил и энергии...

— Да, преподобный, — произнесла Бидди, сжав ладони на животе.

— Именно вследствие этого я испытываю серьезные опасения касательно будущего нашей нации, дитя мое, — откусывая от ломтя хлеба, сказал пастор. — Именно поэтому я не могу разделять бесосновательный оптимизм, свойственный нашим соотечественникам.

— Да, преподобный, — произнесла Бидди, не отрывая взгляда от хлеба.

Ей и самой хотелось отрезать от буханки кусок, только потолще.

— Какое будущее может ожидать нацию, чья молодежь напрочь лишена сил и энергии? Они страдают от вялости и лени. Эта нация истощена жарой!

Бакенбарды священника были испачканы абрикосовым вареньем.

— Так оно и есть, преподобный, — сказала Бидди, сжимая в руке нож для хлеба так, чтобы у постороннего наблюдателя не сложилось мнения, будто она намерена вновь отрезать от буханки хотя бы малость. — Я никогда прежде не задумывалась о том, что делает со мной летнее солнце, разве что иногда размышляла о солнечных ожогах, но теперь понимаю... Теперь я и сама тревожусь о своем здоровье.

— Ну, я не имел в виду девушек из рабочего класса, — отмахнувшись от нее, произнес преподобный, — или мужчин. Тебе нечего волноваться. Ты хоть все лето можешь тянуть за собой тачку на солнцепеке, и это не будет грозить тебе ничем, кроме крепких мышц на спине.

Бидди нахмурилась и принялась резать хлеб.

— Нет, только представители высшего класса способны испытывать неудобства, — сказал преподобный, отставляя пустую тарелку и поудобнее устраиваясь в кресле, — будущие лидеры нашей нации. Их эта отвратительная жара прямо-таки опустошает. Каждое последующее поколение будет становиться все слабее.

Бидди зачерпнула на хлеб как можно больше варенья и намазала поверх щедро отмерянного куска. Она уже намеревалась съесть его на глазах у преподобного, но тут встретилась со строгим взглядом миссис Реттрей, возникшей из-за ведущей в коридор двери.

— Бидди! Ломоть недопустимо толстый. Ты что, забыла все, чему тебя здесь учили?

— Ничего страшного, миссис Реттрей, — сказал преподобный, забирая хлеб с вареньем из рук служанки. — Из-за жары я проголодался. Бидди все сделала правильно. Мне сейчас нужен ломоть потолще.

— Хорошо, преподобный, — произнесла экономка. — Пока вы едите, я позабочусь о том, чтобы Бидди больше вам не докучала.

— Я и не докучала... — попыталась возразить девушка, но миссис Реттрей резко оборвала ее.

— Каковы твои обязанности, девочка? — спросила экономка. — Что тебе еще надо сделать, прежде чем придет время подавать чай?

— Украсить веранду к Рождеству веточками зелени, когда их привезут на тележке, — вспомнила Бидди.

— Веточки уже привезли, и Квини уже украсила, — сообщила миссис Реттрей. — Что еще?

— Проследить за гусем?

— Я не начинала готовить. До этого еще целый день.

— Я имела в виду: проследить за тем, чтобы гусь в леднике не протух.

— Бидди! Я терпеть не могу твоего легкомыслия, — заявила миссис Реттрей. — Что еще? Перестань впустую тратить мое и свое время.

— Обдать кипятком и натереть трехпенсовые монетки для сливового пудинга преподобного. [\[10\]](#)

— Вот именно. А теперь иди и приступай к работе.

— Да, миссис Реттрей.

Зазвонил колокольчик над входной дверью. Экономка отправилась открывать.

Преподобный Флауэрс уставился на буханку хлеба, но Бидди сделала вид, будто не заметила его многозначительного взгляда. Она повернула единственный кран над раковиной, желая наполнить водой металлический чайник. Трубы задрожали, издав звук, похожий на кашель...

— Какая жалость! — воскликнула Бидди. — Воды нет.

— Все из-за жары... — пробормотал преподобный.

Бидди едва ли отдавала себе отчет в том, что в голосе миссис Реттрей, стоящей у входных дверей, звучит изумление, близкое к благоговейному страху.

— Мне думается, что мы слишком часто брали воду из запасов, — предположила Бидди. — Такое случается, преподобный. Стоит нам захотеть напиться в знойный день — и вот! Я оставлю кран открытым. Может, со временем из него что-то и польется...

Пастор выразил определенное беспокойство, принявшись дергать себя за бакенбарды.

— Мне бы хотелось принять прохладную ванну...

— Ах, какая жалость! — воскликнула Бидди.

Экономка вернулась, и, заметив выражение ее лица, девушка ощутила, как по спине пробежал холодок.

— Миссис Реттрей... я... я ничего не могу поделать. Последнее время выкачивают очень много воды, — сказала Бидди.

— Помолчи, — произнесла экономка.

Преподобный Флауэрс понял: что-то не так.

— Что-нибудь случилось? — спросил он.

Глаза миссис Реттрей сверкали стальным блеском.

— В дверях дожидается ваша прихожанка, преподобный. Она пребывает в ужаснейшем смятении и, как ни неприятно мне вам об этом сообщать, пришла сделать заявление о весьма бесчестном поведении.

— Заявление? — вставая, переспросил пастор. — О каком бесчестном поведении идет речь?

— О неблагодарности, — уточнила экономка.

Бидди почувствовала, как кровь отхлынула от ее лица.

— О чем, ради всего святого, вы говорите? Кто ко мне пришел, миссис Реттрей?

Экономка отошла в сторону, впуская наводящую ужас фигуру, облаченную во вдовье одеяние.

— Миссис Довс! — воскликнул преподобный, делая шаг ей навстречу. — О каком бесчестном поведении идет речь? Кто проявил неблагодарность?

Через час из крана тоненькой струйкой потекла вода. Она была коричневатого цвета и пахла серой.

— Единственная причина, по которой чай пользуется в этой стране такой популярностью, заключается в том, что сей напиток способен утаить от нас неприятный цвет жидкости, текущей из наших кранов, — произнес преподобный, принимая из рук миссис Реттрей чашечку подслащенного напитка.

— Лучший цейлонский чай значительно ее улучшает, — согласилась с ним экономка, прихлебывая напиток из своей чашки.

Они умолкли, прислушиваясь к шагам Бидди. Закончив складывать в сумку свои пожитки, она покинула маленькую комнатенку в задней части дома, которую делила с Квини, и теперь проходила мимо кухонной двери. Бидди остановилась и заглянула в кухню, до сих пор испытывая растерянность от того, как быстро ситуация приняла столь плачевный для нее оборот. Но дело сделано, решение преподобного было окончательным. После того что она наговорила, не могло быть и речи ни о каком повышении. Он больше не намерен смотреть ей в глаза или каким-либо иным способом признавать ее существование. Бидди приоткрыла было рот, чтобы сказать что-то в свое оправдание, однако ледяной взгляд миссис Реттрей пригвоздил ее к месту. Девушка промолчала. Стыд из-за случившегося и стремительность, с которой на нее обрушилось наказание, делали какие-либо разъяснения бессмысленными.

Преподобный и экономка сидели неподвижно на кухонных стульях, пока шаги Бидди не стихли. Девушка вышла на свежий воздух, держа в руках небольшую складную дорожную сумку.

На широкой веранде Бидди остановилась и принялась разглядывать рождественские украшения. Следовало признать, что Квини все сделала отлично. Длинные ветви, срезанные с эвкалиптовых деревьев, привезли на тележке с Гейдельбергских холмов. Квини продела ветви в ажурные украшения на опорах, поддерживавших крышу веранды. Выглядело это очень нарядно, а пахло просто чудесно. Вспомнив о счастливо проведенных рождественских праздниках, Бидди едва не заплакала, но она так долго сдерживала слезы, что решила и дальше не унижаться. Откашлявшись, она взяла себя в руки.

Квини вышла из-за угла с метлой в руках — видно, намеревалась убрать упавшие листья. Бидди надеялась, что ее подруга была слишком занята и не смогла подслушать ужасный разговор, имевший место между старой миссис Довс и преподобным.

— Ты надела свою лучшую блузку, Бидди? — спросила Квини. — Ты ее прямо с веревки сняла, что ли?

Бидди провела ладонью по складкам на своей линялой полосатой блузке, гадая, когда еще у нее появится возможность пройтись уютгом по этому самому нарядному из ее предметов туалета. Пуговица на высоком воротничке болталась. Бидди боялась, что она оторвется и потеряется.

Девушка стала сочинять на ходу.

— Я спешу, — сказала она. — Я ненадолго.

— Правда? — удивилась Квини.

— Мне нужно выполнить поручение преподобного.

— А в чем дело?

— Меня отправили к виноторговцу за кларетом.

— В воскресной юбке и шляпке?

Бидди кивнула, хотя все это звучало весьма неправдоподобно. Квини секунд пять взирала на небольшую дорожную сумку у нее в руке, прежде чем добавить:

— Как я понимаю, ужин придется готовить мне одной.

— Нет, не придется, — поспешно заверила ее Бидди. — Я успею вернуться и помогу тебе, как обычно. Вот увидишь. Я скоро приду.

— Ну хорошо, — произнесла Квини не очень уверенно.

Отвернувшись, Бидди почувствовала, что слезы вновь наворачиваются ей на глаза.

— Лучше не отвлекай. Не хочу, чтобы миссис Реттрей спрашивала у меня, почему я задержалась.

Призрак торжествующей улыбки скользнул по губам Квини, и Бидди поняла, что желание стать «девушкой с верхних этажей» у ее подруги намного сильнее, чем у нее самой. Хотя, посылая старую миссис Довс в магазин «У Топпа», Квини не могла представить, к чему это приведет, случившееся ее, без сомнения, только обрадует.

Квини принялась подметать листья. Бидди сошла с веранды и зашагала по садовой дорожке. У маленькой кованой чугунной калитки она обернулась, надеясь, что подруга хотя бы помашет ей на прощание, но взгляд Квини оставался холодным. Петли громко заскрипели, когда Бидди приоткрыла калитку. Девушке стало грустно, когда она поняла: ей больше никогда не суждено услышать этот скрип.

— Бидди! — крикнула Квини, когда калитка закрылась.

Бидди с надеждой посмотрела на нее.

— Ты все придумала или на самом деле идешь купить кларет?

Бидди вздохнула. Надежда развеялась, когда она увидела на лице Квини насмешливую улыбку. Нет, она никогда не была ей подругой. Бидди заставила себя собраться и выпрямила спину.

— Правда. Клянусь, — сказала она и зашагала прочь.

Стоя на противоположной стороне Бридж-роуд, Бидди наблюдала за тем, как покупатели входят и выходят из магазинчика «У Топпа». Мысленно она рисовала себе картины идеального Рождества. В своих фантазиях Бидди была маленькой девочкой, и мама Ида, совсем еще молодая, вела ее за руку к обшитому досками огромному сараю. Лицо холодило вечерний воздух. Ида пообещала, что в сарае Бидди увидит дерево необычайной красоты. И впрямь, войдя в широко распахнутые двустворчатые двери, Бидди узрела очень красивое дерево, установленное на возвышении. Ида назвала его «горным перцем».^[11] Впрочем, дело было не только в красоте самого дерева. Среди его листы тот тут, то там Бидди заметила венки, сплетенные из разноцветной бумаги, а также свечи, которые зажгли, как только солнце скрылось за горизонтом. Среди ветвей висели небольшие пронумерованные подарки. Каждому ребенку вручили по картонке, на которой были написаны цифры. Когда все было готово, приятный на вид мужчина принялся выкрикивать по очереди номерки, и каждый ребенок, чей номер называли, подходил и получал подарок, висевший на дереве. Бидди достался тридцать второй. Ей подарили миленькую маленькую куклу, сшитую из лоскутков...

Девушке стало спокойнее. Так было всегда, когда Бидди начинала фантазировать, вот только на этот раз подробности, которыми она украшала свое видение, не отличались экстравагантностью, они были вполне тривиальными, а посему она быстро догадалась, что никакая это не фантазия, а воспоминание. Погружаться в прошлое ей не хотелось, однако, если дверь приоткрывается, закрыть ее не так уж просто, и воспоминание норовит предстать перед тобой во всей красе. Бидди вспомнила, как шла вместе с мамой домой, прижимая

куклу к груди. Она все время смеялась от счастья. Ида тоже смеялась, а потом внезапно остановилась. Они дошли до перекрестка. Если бы они продолжали идти по той же улице, то добрались бы домой примерно за час. Если же свернуть за угол, то можно срезать путь и оказаться в кровати через полчаса.

— Что случилось, мама? Давай пойдем коротким путем, — настаивала Бидди, глядя на Иду.

Но той явно не хотелось поворачивать. Она осторожно заглянула за угол дома.

— Там нет плохих дядь, — капризно протянула Бидди.

Окинув взглядом обсаженный деревьями переулок, она увидела только большие красивые дома, окруженные садами. Чего им бояться?

Ида наконец уступила, и они свернули в переулок. Теперь уже никто не смеялся. Ида молчала, крепко держа Бидди за руку. Девочка чувствовала, что она нервничает. Широко распахнутыми глазами ребенок с любопытством рассматривал каждый дом, каждое освещенное газовой лампой окно, каждую аккуратно подстриженную лужайку, мимо которой они проходили. Что так напугало ее маму?

— Не понимаю, почему ты ведешь себя так странно, — наконец произнесла Бидди.

Ида не ответила.

А потом девочка все поняла.

— Ты здесь работаешь, мама?

Ида остановилась и испуганно уставилась на поднятое к ней лицо дочери. Это было равносильно утвердительному ответу.

— Пойдем скорей.

Потянув девочку за руку, Ида ускорила шаг. Больше не было произнесено ни слова. Бидди внимательно разглядывала восхитительные дома, пытаясь определить, в котором из них работает ее мама. Ида просила дочь никогда не спрашивать об этом, потому что она все равно ничего не расскажет.

Прежде чем Бидди удалось окончательно захлопнуть дверь воспоминаний, она увидела мысленным взором свою красивую маму. Молочного цвета кожа, каштановые волосы... Бидди лежала в своей кроватке, прижимая к груди новую куклу. Ида склонилась над дочерью и поцеловала ее...

Мимо стоящей под навесом Бидди развинченной походкой шел китайчонок, посыльный зеленщика. Мальчик о чем-то задумался. Его босые ноги покрывала дорожная пыль. На бамбуковом коромысле, перекинутом через плечо, покачивались корзины с несвежими овощами. Случайно взглянув на Бидди, китайчонок внезапно замер на месте.

— Бидди!

Это восклицание вырвало ее из мира фантазий.

— Джонни!

Китайчонок не верил собственным глазам.

— Но ты же *пропала*... умерла?

Девушка тяжело вздохнула.

— Ты сбежала из дому много месяцев назад, — взволнованно тыча в ее сторону пальцем, сказал китайчонок. — Все в Карлтоне считают, будто ты умерла. Твоя мама очень горевала. А ты, оказывается, в Ричмонде, живая!

— Прощу тебя, Джонни, — улыбнулась Бидди, стараясь заглушить тревогу в голосе. — Ты прав, я убежала из Карлтона, это произошло полтора года назад. Мама знает, где я. Я все

ей рассказала.

Бидди пришлось нагло солгать, глядя мальчишке в лицо. Сохранять при этом спокойствие было ой как непросто.

— Честно?

— Честно. Я работаю прислугой. Тебе не стоит так тревожиться.

Китайчонок задумчиво разглядывал ее. Бамбуковая палка с корзинами покачивалась на его плече.

— Но почему ты вообще сбежала? Тебе привольно жилось. В чем дело?

Девушка с достоинством выпрямилась.

— Боюсь, это не твое дело...

Мальчишка задумался.

— Ну а теперь ты счастлива?

Бидди постаралась не думать о том, что случилось сегодня в доме пастора.

— Счастливей, чем прежде!

Китайчонок улыбнулся.

— Хочешь овощей, Бидди?

Рассмеявшись, девушка отрицательно покачала головой. Ее взгляд проследил за очередным покупателем, вошедшим в магазинчик «У Топпа».

— Не сегодня, Джонни... извини. Может, в другой раз, когда ты будешь в Ричмонде.

— Почему ты так вырядилась? Сегодня же не воскресенье.

Бидди уже собиралась придумать очередную отговорку, но затем лишь пожала плечами.

Паренек вытер лоб тыльной стороной ладони, сдвинул шапку кули^[12] на затылок, так, чтобы лучше разглядеть выражение лица девушки, и пытливо уставился на нее.

— Очень жарко, — наконец произнес он. — Сейчас чуть полегче, но... Солнце заходит... Люди выходят...

— Ну да, — согласилась Бидди. — Теперь чуть полегче.

Она улыбнулась из вежливости. Про себя девушка молилась о том, чтобы Джонни пошел своей дорогой. Тот, казалось, догадался, о чем она думала, и засеменял вдоль сточной канавы.

— Я скажу твоей маме, что видел тебя, — крикнул мальчик, не оглядываясь.

— Хорошо, — крикнула в ответ Бидди. — Счастливого Рождества!

Последняя покупательница вышла из магазина «У Топпа», и там больше не осталось никого из посторонних. Приподняв подол платья, чтобы не запылить его, Бидди шагнула на усыпанную мелким гравием улицу и устремилась на другую сторону, перепрыгивая через навозные кучки. Она уступила дорогу бегущей иноходью лошади, запряженной в коляску.

Оказавшись на веранде магазина, девушка заглянула в витрину и заметила, что за прилавком стоит Том. Улыбнувшись от огромного облегчения, Бидди уже намеревалась войти и сообщить ему неприятную новость, но юноша, подняв голову, заметил ее через стекло и, нахмурившись, отрицательно замотал головой. Бидди опешила. Ее ладонь замерла на ручке двери. Том хмуро уставился на девушку через стекло витрины. На его лице не было даже намек на тепло и доброту. Через несколько секунд он отвернулся и уставился в лежащую на прилавке газету.

Второпях составленный план того, как ей жить дальше, рассыпался в прах, ибо он предполагал активное участие Тома. А вместе с этим развеялось впечатление, которое Том за

прошедшие месяцы произвел на девушку.

Бидди поставила дорожную сумку на тротуар, открыла ее и извлекла последний оставшийся у нее листок писчей бумаги, который она уложила вместе с другими вещами. Порывшись еще немного, она нашла огрызок карандаша. Бидди прижала бумагу к стеклу витрины и быстро нацарапала на ней несколько слов, прекрасно отдавая себе отчет: если Том оторвется от чтения, он увидит, чем она занимается. Закончив, Бидди посмотрела через стекло и заметила, как взгляд Тома метнулся к газете. Значит, он за ней наблюдал. Бидди сложила лист бумаги вдвое и опустила его в щель на двери, предназначенную для писем.

Было ясно: Том счел, что она ушла, когда, подойдя к входной двери, извлек письмо из почтового ящика. Но Бидди никуда не уходила, просто, снова перейдя улицу, спряталась в тени.

Она видела, как Том стоит и читает. Девушка повторяла про себя написанные ею слова:

Пожалуйста, не волнуйся за меня, Том. У меня есть брат. Он работает администратором в универсальном магазине «Альстон-энд-Браун». Я сейчас иду к нему на Коллинс-стрит. Он будет рад меня видеть и приютит у себя. Повторяю: не волнуйся.

Твоя подруга Бидди.

Том огляделся, словно заподозрил, что это одна из ее выдумок, но нигде Бидди не увидел. Потом еще с минуту вчитывался в записку. Бидди оставалось надеяться лишь на то, что ее почерк будет напоминать ему о девушке, которую он едва знал, о девушке, которая лишь чуть-чуть позволила ему разглядеть ее подлинное «я». Она видела, как Том сунул записочку в карман, но потом снова вынул ее и разорвал надвое, затем еще раз и выбросил обрывки на улицу.

Женщину звали мисс Евангелина Гарфилд. Бидди выяснила это, слоняясь возле дверей магазина «Альстон-энд-Браун». Продавщицы у входа приветствовали покупательниц, вернее, здоровались с теми, кого знали по имени. Мисс Евангелину Гарфилд встретили весьма любезно. С Бидди же никто не поздоровался. Никто не обратил на нее внимания, словно перед ними был мешок соли. По крайней мере, никто не попытался преградить ей дорогу, чтобы не пустить в элегантный универмаг, специализирующийся на дамской одежде. Здесь было немало покупательниц, и на их фоне Бидди не привлекала к себе внимания.

Высокая стройная мисс Гарфилд работает гувернанткой. Ей тридцать лет. Все это Бидди узнала, подслушав болтовню продавщиц. В это время мисс Гарфилд внимательно изучала представленный в магазине ассортимент. Она была равнодушна к моде. По крайней мере, так утверждала она сама. Этот порок (или добродетель) проявлялся в нечастых, но запоминающихся визитах в «Альстон-энд-Браун». Всякий раз, снисходительно рассказывала одна из продавщиц, мисс Гарфилд восклицает, что со времени ее последнего прихода стиль одежды претерпел значительнейшие изменения. Продавщицам это казалось весьма забавным. Если бы так называемая слабость заставляла мисс Гарфилд бывать в магазине почаще, она бы заметила, что фасоны и покрой одежды от сезона к сезону почти не меняются. Одна из продавщиц заявила, что мода подвержена эволюции подобно животному

миру, согласно теории мистера Дарвина. Новые модные веяния развиваются постепенно, а не возникают вдруг, уже полностью сформировавшись.

Продавщицы сходились во мнении, что мисс Гарфилд просто не знакома с леди, которые на самом деле помешаны на моде. У нее была лишь одна подопечная, девушка лет шестнадцати, которая тоже интересовалась модой, однако в силу налагаемых на нее ограничений могла заказывать одежду только по каталогам.

Эти сведения откладывались у Бидди в голове. Что-то в мисс Гарфилд, в ее манере держаться ей импонировало, хоть она и не могла бы объяснить, в чем тут дело... Разве что... у женщины были добрые глаза, и этим она напомнила Бидди маму. Мисс Гарфилд выглядела довольно мило. Бидди стала медленно приближаться к ней, стараясь по-прежнему не привлекать к себе внимания персонала.

Мисс Гарфилд тем временем озадаченно взирала на выставленные наряды.

— У вас глаза разбегаются? — стоя позади нее, дружелюбно поинтересовалась Бидди.

Мисс Гарфилд обернулась и увидела приятное личико. Губы Бидди растянулись в широкой улыбке, обнажив белые ровные зубки. Карие глаза сверкали. Каптановые волосы были тщательно уложены в стиле девушек Гибсона.^[13] Их прикрывала широкополая соломенная шляпка. Бидди была ниже ростом и значительно моложе мисс Гарфилд. Ее простоватый воскресный костюм абсолютно не соответствовало роскошным нарядам, выставленным на продажу.

— Немного, — ответила мисс Гарфилд.

— В таком случае позвольте мне вам помочь, — произнесла Бидди. — Я знаю, что здесь к чему.

Прежде чем гувернантка успела хорошенько обдумать ее предложение, девушка взяла ее под локоть и увлекла к выставленным в ряд манекенам.

— Поглядите, какие премиленькие блузки! Это новый стиль, — сказала Бидди, надеясь, что женщина не обратила внимания на линялую, старую одежду, в которую была одета она сама. — Посмотрите на эти складки посередине спинки и на рукавах. Очень тонкая работа. А вот здесь кружевные вставки чередуются с плиссировкой. Неплохо, особенно с рукавами бишоп.^[14]

Мисс Гарфилд согласилась с ней.

— Хотите что-нибудь примерить? — спросила Бидди.

— Не знаю... — ответила мисс Гарфилд.

Теперь она вела себя гораздо непринужденнее, чем сразу же после того, как вошла в магазин.

— Вам непременно нужно что-нибудь примерить. Вы сами увидите, как это красиво, особенно в сочетании с одной из премиленьких расклешенных юбок, — произнесла Бидди, беря выставленный товар. — Ткань тонкая, как вы видите... Четыре гофрированные оборочки вдоль каймы и обратное плетение на спине.

— Ну... да, — сказала мисс Гарфилд, немного опешив от ее осведомленности и напористости.

Гувернантка внимательнее пригляделась к тому, что показывала ей девушка, а затем окинула беглым взглядом собственный гардероб. Было заметно, что это сравнение ей не понравилось.

— Признаться, мой туалет немного устарел, — тихо проговорила она.

Бидди сочувственно посмотрела на нее.

— Мой тоже. Время летит очень быстро. Просто уму непостижимо! Кто способен угнаться за этой переменчивой модой?

Мисс Гарфилд часто заморгала.

— Вообще-то я пришла сюда, чтобы взглянуть на новые шляпки.

— Отлично. Здесь большой выбор головных уборов и, кстати, цены вполне доступные.

Мисс Гарфилд задумалась.

— Знаете, у меня возник соблазн купить не только шляпку, но и что-то еще.

— Уверена, что мы вам что-нибудь подберем, — с торжеством заверила ее Бидди.

Мисс Гарфилд, по-видимому, решила, что может довериться этой продавщице, несмотря на ее несколько свободные манеры. Дружелюбие всегда высоко ценится, а Бидди знала, что умеет быть очень милой и любезной.

— Я уже бывала в этом магазине, — сообщила ей мисс Гарфилд, — и, признаться, ничто здесь мне по-настоящему не нравилось...

Бидди это откровение немного смутило.

— Иногда я даже уходила отсюда, так ничего и не купив, — добавила гувернантка. — Обслуживание тут оставляет желать лучшего... Правда... Временами я чувствовала себя лишней, словно собиралась расплачиваться монетами иностранного государства.

— Какой стыд! — произнесла Бидди, отнюдь не покривив душой. — Как по мне, любой магазин, в котором унижают леди, пожелавшую купить себе платье, недостойн этого названия. Скорее всего, ему недолго оставаться магазином.

Девушка с осуждающим видом огляделась по сторонам.

— Если вы увидите негодницу, которая обидела вас в прошлый раз, прошу вас, мисс, покажите ее мне. Нельзя допустить, чтобы она избежала заслуженного наказания.

Мисс Гарфилд вновь окинула Бидди пристальным взглядом, держась от нее на некотором расстоянии.

— Вы из деревни?

Бидди замешкалась, не зная, что ответить.

— А вы, мисс?

— Я родилась в Кастлмейне.

— И я, — рассмеялась Бидди, готовая, если понадобится, сочинить несколько живописных подробностей своей биографии.

— Как мило, — произнесла мисс Гарфилд еще более непринужденно, чем прежде. — Теперь я живу в Саммерсби. Слыхали?

Слабый перезвон в памяти Бидди свидетельствовал о том, что в далеком прошлом она пару раз уже слышала это название, но с тех пор прошли годы. Было в нем нечто волшебное, быть может, даже романтическое. Возможно, именно поэтому оно и запало Бидди в память. А может, это название встречалось ей в какой-нибудь газете?

— Мне кажется, что я о нем где-то читала, — уклончиво ответила Бидди.

— Вполне возможно, — сказала мисс Гарфилд. — Это большой дом, довольно известный в Кастлмейне. Я занимаю там должность гувернантки. Саммерсби также название небольшой деревушки, расположенной недалеко от особняка. Там очень красивая природа.

Бидди постаралась все хорошенько запомнить, хоть и не знала толком, зачем ей это.

— Я сразу же поняла, что вы из деревни, — добавила мисс Гарфилд, — по вашей манере общения.

— Правда?

— Вы очень добродушны. Деревенские девушки отличаются добродушием. Девушки же, выросшие в городе, зачастую важничают. Проблема в том, что почти никто из них не имеет права на такое высокомерие.

Бидди была полностью с ней согласна.

— Самозванки, вот они кто, — прошептала она.

Мисс Гарфилд тихо засмеялась.

Бидди наконец увидела брата. Она незаметно высматривала Гордона с тех пор, как зашла в магазин, но его нигде не было. Теперь же он появился в противоположном конце зала на первом этаже. Продолжая беседовать с мисс Гарфилд, Бидди украдкой разглядывала брата, напряженно что-то обдумывая.

Гордон Мак-Брайд выглядел довольно привлекательно, если не обращать внимания на его покрытые налетом зубы. Ему еще не было восемнадцати, но он вел себя так, словно был гораздо старше. Гордон держался с покупательницами скорее угодливо, чем любезно. Впрочем, Бидди считала, что продавцы часто путают одно с другим. Никто из младших администраторов не мог бы пододвинуть стул для леди с такой быстротой, как ее брат. Никто не мог бы отчитывать продавщиц с такой едкой суровостью, как он. Когда Гордон, бросив беглый взгляд, заметил, что мисс Гарфилд с улыбкой рассматривает юбки, блузки, шляпки и прочую одежду, он сразу же спросил себя, кто из продавщиц ее обслуживает. А потом, что называется, опешил: оказалось, что никто. Девушкой, которая с таким мастерством подталкивала мисс Гарфилд к сумасбродному расточительству, была не продавщица магазина «Альстон-энд-Браун», а его улыбающаяся сестра Бидди.

Гордон подошел к мисс Гарфилд как раз в тот момент, когда она с юмором описывала бедственное состояние кухни в особняке Саммерсби. Его лицо выражало тревогу. Бидди внимательно слушала мисс Гарфилд, отдавая себе отчет в том, что ее брат совсем рядом.

— Дела Саммерсби находятся в столь плачевном состоянии, что у нашей бедной экономки миссис Маршал не было другого выхода, кроме как нанять поваром *китаезу*, — тараторила мисс Гарфилд. — Можете себе представить?

— А разве китайская кухня не ужасна? — озадаченно спросила Бидди, с теплотой вспоминая восхитительное чоп-суи,^[15] которое подавали в закусочной дяди Джонни.

— Ужаснейшая, — согласилась с ней гувернантка. — Но он клялся, что умеет готовить английские блюда, а еще у него были рекомендации от отеля «Шемрок», расположенного в Бендиго, а посему миссис Маршал из христианского великодушия дала ему шанс. — Довольная собой, мисс Гарфилд перевела дух. — *А потом...*

Тут глаза Бидди, расширившиеся от пронизательного предвкушения, встретились с глазами брата.

— А потом она выяснила, что Ах Синг вынимает косточки из изюма с помощью собственных зубов, — продолжала мисс Гарфилд, — а чтобы смочить муку, плюет в нее.

Охваченная радостным ужасом Бидди ахнула.

— Просто кошмар, — сказала мисс Гарфилд. — Миссис Маршал придется вновь давать объявление в газету. Возможно, она уже сделала это сегодня утром. Ни один уважающий себя дом не может смириться со столь вопиющими нарушениями. Пусть уж лучше у нас работает человек, нанятый по объявлению...

— Вижу, мадам сделала прекрасный выбор... — сказал в это время Гордон.

Мисс Гарфилд часто захлопала ресницами, и Бидди смогла вставить слово.

— Мадам присмотрела себе кое-какие симпатичные предметы туалета, — одарив брата лучезарной улыбкой, сообщила она.

— Позвольте мне отнести это к прилавку, мадам. Пусть одна из *продавиц* все подсчитает и упакует, — предложил Гордон.

— В этом нет нужды, — сказала мисс Гарфилд. — Бидди обслужила меня наилучшим образом и, признаюсь, опустошила мой кошелек до дна.

Гордон неискренне рассмеялся.

— Я намерена дать ей щедрые чаевые, — добавила женщина.

Услышав это, он закашлялся.

Бидди улыбнулась и покраснела, удержавшись от замечания, что подобное великодушие ни к чему.

— Пожалуйста, мадам, мне совсем нетрудно упаковать ваши вещи, — продолжал настаивать Гордон, бросив на Бидди убийственный взгляд.

Быстрым движением, ускользнувшем от внимания мисс Гарфилд, молодой человек лягнул манекен. Тот зашатался.

— Берегись! — крикнул Гордон Бидди.

Девушка повернулась и увидела падающий на нее манекен.

— Ой!

Гордон, взяв мисс Гарфилд под локоть, увлек ее прочь. Бидди беспомощно провожала их взглядом.

Щелкнув пальцами, администратор дал указание двум настоящим продавщицам завернуть покупки и убрать в зале после устроенного им погрома. Мисс Гарфилд беспокойно оглянулась на Бидди.

— Она заслужила чаевые, действительно заслужила...

— Разумеется, мадам, — мягким тоном заверил ее Гордон. — Уверю вас, Бидди получит то, что заслужила.

Выдуманная ею история казалась Бидди не прочнее папиросной бумаги, но на этот раз Гордон лишь рассмеялся. Она почувствовала облегчение оттого, что, по крайней мере, смогла его развеселить. Веселье, впрочем, оказалось недолгим.

— Чепуха! — заявил Гордон. — Тебя выгнали с никчемной работы, на которую ты устроилась после того, как сбежала из дому.

У Бидди перехватило дыхание, когда она услышала правду, высказанную столь прямолинейно.

— И что же ты натворила? — требовательно вопрошал брат, с осуждающим видом скрестив руки на груди. — Впрочем, не стоит, не утруждай себя. Я не хочу слушать твои очередные выдумки.

Бидди заерзала на ящике из-под чая, на который усадил ее Гордон, после того как они поднялись по служебной лестнице на чердак, где располагались складские помещения магазина. Здесь у Бидди почти не было шансов вновь поставить его в дурацкое положение.

— Я надеялась, что ты сможешь мне помочь... как брат, — отважилась она.

— Но я тебе не брат.

Девушка моргнула.

— Нет, ну ты... *все равно что...*

— Бидди, — начал Гордон, улыбаясь неестественно широкой улыбкой, словно

обращался к умственно отсталой. — Ты помнишь... как полтора года назад в нашу дверь постучал джентльмен, назвавшийся мистером Сэмюелем Хакеттом?

Бидди не хотелось об этом вспоминать, но она знала: забыть тот день ей все равно не удастся. Сперва ее внимание привлекли волосы незнакомца. У них был медовый оттенок. Это были самые красивые волосы из тех, что она видела у мужчин, вот только ее мама Ида очень рассердилась, когда незнакомец возник на пороге их дома. Но он все равно принялся рассказывать о том, что, по его мнению, Бидди обязана была знать.

— Не надо снова об этом...

— Почему? Извини, ты, как я погляжу, намерена засунуть голову в песок. Со мной этот номер не пройдет.

— Пожалуйста, Гордон, давай не будем об этом!

Но он не собирался молчать.

— Мистер Сэмюель Хакетт приехал к нам домой и сделал несколько ошеломляющих заявлений. Не так ли, Бидди? Самое главное: именно он, а не мой бедный покойный папаша, на самом деле приходится тебе отцом.

Бидди захотелось умереть.

— Это неправда!

— Как раз наоборот, — возразил Гордон. — Это такая же истина, как и то, что я стою сейчас перед тобой. По выражению лица Иды мы сразу же все поняли. Твоя мама и мой отец нам лгали. Всю жизнь мы верили в их *ложь*, но от этого она не стала правдой. Мой отец не был твоим отцом. Твоя мама не была моей мамой. Мистер Хакетт объяснил нам все это предельно ясно. Наша семья на поверку оказалась большим мыльным пузырем.

Бидди стало совсем худо.

— Какое это теперь имеет значение?

Гордон рассмеялся.

— Для тебя это имело значение! Ты сбежала, словно испуганная крыса! Полагаю, ты удивилась гораздо больше, чем я. Помнишь, что мистер Сэмюель Хакетт сказал помимо этого?

— Не надо, Гордон! Пожалуйста, не надо!

— Он заявил, что твоя мама — не твоя мама! У тебя другие родители! Двойной удар, что ни говори!

Бидди ненавидела его за то, что он заставил ее вновь пережить этот ужас.

— Жаль, что Ида выставила мистера Хакетта за дверь, прежде чем он успел договорить. Иначе мы бы узнали, кто твоя настоящая мать. Тебе, должно быть, ужасно любопытно. К сожалению, Ида так и не сказала тебе правды, заявив, что унесет эту тайну в могилу, — присвистнув, продолжил Гордон. — Нет, я не могу винить тебя в том, что ты сбежала. Женщина, которую ты любила больше всех на свете, всю жизнь тебе лгала. Полагаю, тебе пришлось начать все с чистого листа, чтобы избавиться от этого вранья.

Молодой человек фыркнул.

— Признаюсь, я не удивлен, что, неожиданно появившись здесь, ты сочиняешь небылицы. Твой жизненный опыт свидетельствует о том, что правда — весьма условное понятие.

Бидди решила, что с нее довольно.

— Ида всегда была добра к твоему бедному отцу!

— А с какой стати ей не быть доброй? Она позаимствовала его чертову фамилию.

Бидди съежилась.

— Мак-Брайд — вполне достойная фамилия.

— Вот только не та, которая должна быть у тебя на самом деле. Хотел бы я знать, как тебя зовут, но сомневаюсь, что это когда-нибудь станет нам известно. Я отвернулся от Иды, как и ты, только, держу пари, тебе это далось куда тяжелее.

Бидди часто моргала, стараясь не расплакаться. Хотя прошло уже полтора года, эта рана до сих пор не зарубцевалась.

Гордон с презрением сплюнул на пол.

— И сколько, по-твоему, мне здесь платят?

— Мне не нужны деньги! — произнесла Бидди, а потом быстро добавила: — Я никогда тебя об этом не попрошу.

— Тогда зачем ты сюда пришла?

— Ну, — Бидди изобразила на лице улыбку, надеясь, что она выглядит подкупающей, — я обслужила эту милую леди...

— Ты *не* обслужила ее.

— Ну а как бы ты это назвал?

— Твой поступок был аморальным и даже незаконным. Ты представилась работницей магазина, в то время как на самом деле ею не являешься. Это мошенничество.

— Не надо! — взволнованно произнесла Бидди. — Если ты позволишь мне закончить...

— Заканчивай.

— Как я уже говорила... *беседуя* с той милой леди, я не собиралась ставить тебя в дурацкое положение. Клянусь.

— Ерунда!

— Клянусь!

— Попробуй еще раз.

— Я решила попробовать...

Гордон собирал во рту слюну для очередного плевка.

— Смогу ли я работать *продавщицей*? — наконец выпалила Бидди.

Вместо того чтобы плюнуть, Гордон разразился излишне продолжительным, по мнению девушки, смехом.

— Но мне это удалось! — возмущенно воскликнула она. — Или я не права? Я продала той леди юбки, блузки, шляпки и шарфики. Без меня она бы ничего не купила. Она призналась, что прежде терпеть не могла этот магазин. Здесь просто ужасное обслуживание.

Веселье Гордона увяло.

— Что тебе от меня надо?

— Работу.

— Ни за что.

— Гордон, послушай меня...

— Ты — ничто, навоз, который валяется на улице.

Эти слова ужалили Бидди.

— Но наш... *твой* отец любил мою маму. Они были хорошей парой...

— Тем хуже. Я молюсь тому, кто может меня услышать, чтобы ты сошла в могилу, никому не раскрыв этой тайны, — произнес Гордон. — Слава богу, мой старик уже упокоился с миром.

— Гордон!

— С самого начала эта связь была унижительной для нас. Поговаривают, что твоя мать прежде работала в доме для умалишенных. Если так, ее вполне могли бы там запереть. Она довела моего отца до сточной канавы.

Бидди передернуло. Ей стало очень больно.

— Он и так оказался бы там!

Гордон выпрямился.

— Разве? Тогда оглянись по сторонам, Бидди. Кому все же удалось чего-то достичь в этой жизни? У кого есть виды на будущее? Кто вылез из грязи? А кто купил себе старый грязный трамвайный билет в ночлежку, в которой окажется, предварительно побывав в борделях Литтл-Лона?^[16]

Слезы, которые девушка сдерживала весь день, грозили излиться теперь обильным потоком. Посмотрев на то, как подергиваются ее губы, Гордон красноречиво сплюнул.

— У тебя жалкий вид.

— Я никогда не паду так низко, — все же смогла проговорить Бидди.

Гордон не ответил. Он видел, как по ее щекам катятся слезы, но не попытался их остановить. Бидди вытащила из кармана юбки старый носовой платок и стала вытирать лицо.

— Это несправедливо... — начала она.

Гордон отвернулся.

Бидди вновь собралась с силами.

— У меня другой план... — сказала она, но молодой человек резко прервал ее.

— Ты хочешь переехать ко мне?

— Я буду вести твое домашнее хозяйство, — пообещала Бидди. — Я многому научилась у миссис Ретрей.

— Где, по-твоему, я живу, Бидди?

— Не знаю. В Фицрое?

— Ты сидишь там, где я живу, — произнес Гордон.

Девушка озадаченно огляделась.

— Что ты имеешь в виду?

— Я здесь сплю. Мой рабочий день — восемнадцать часов. Какой смысл платить ренту? У меня есть голова на плечах. Я коплю деньги, думаю о будущем, в отличие от некоторых.

Бидди тяжело сглотнула, чувствуя себя невероятно униженной. Ее пальцы сжали небольшой кошелек, лежавший в кармане юбки.

— Ты что-то говорил о деньгах, Гордон...

Призрак проституции, призванный Гордоном в чердачном помещении, показался Бидди еще более зловещим, когда она спустилась по пяти пролетам служебной лестницы, где ее не мог увидеть никто из покупательниц, и очутилась в замусоренном переулке. Гордон сделал призрак проституции более материальным, когда протянул Бидди золотой соверен на глазах у нескольких парней, которые вышли из магазина на перекур. Они засвистели, увидев это. Гордон взглянул на парней, но ничего не стал им объяснять. Они замолчали, но продолжали тихо посмеиваться, прикрывая ладонями рты.

— Это слишком много, — слабым голосом произнесла Бидди.

Монета показалась ей необычайно тяжелой. Никогда прежде она не держала в руках соверена.

— Знаю, но мне нужны гарантии, Бидди, — ответил Гордон.

— Какие гарантии?

Он наклонился к ее лицу. Его дыхание пахло мятой.

— Гарантии, за которые я тебе плачú, дура, заключаются в том, что я вижу тебя сегодня последний раз в жизни. Держись от меня подальше ради своего же блага. Мне хочется забыть, что когда-то мы с тобой были семьей. Я не желаю знать, из какой крысиной норы ты заползла в мою жизнь. А больше всего мне хотелось бы, чтобы ты покончила жизнь самоубийством. Тогда бы я наверняка никогда тебя не увидел. Ты меня поняла? Эти деньги должны гарантировать, что с тобой покончено, Бидди.

Он оставил ее в замусоренном переулке, с совершеном, лежащим на ладони. Бидди показалось, что она прекрасно понимает своего «братца». Лишь слабое мерцание жизнерадостности помешало ей запустить монетой в посылных, а потом наблюдать за тем, как они выбивают друг другу мозги, сражаясь в грязи за золото.

Бидди вспомнила о мисс Евангелине Гарфилд, доброй гувернантке, живущей в красивом особняке с волшебным звучащим названием, затерявшемся в живописном местечке где-то возле городка Кастрлмейн.

И принялась сочинять очередную историю.

Путешествие по железной дороге было совсем недолгим, учитывая масштабы этой страны, но Бидди, которой никогда прежде не доводилось ездить в поезде, путь показался невыносимо длинным. Купив билет, девушка вынуждена была несколько часов проторчать на платформе вокзала на Спенсер-стрит.

Поезда приезжали и уезжали. Бидди почувствовала себя отрезанной от мира, потому что ни один из них не следовал туда, куда ей было нужно. На короткое время, когда замысел наконец-то окончательно сформировался у нее в голове, Бидди подумала, не лучше ли будет сесть на электрический трамвай. До Карлтона рукой подать. Там она найдет Иду и как-нибудь сможет объяснить ей полтора года молчания. Однако подобная перспектива Бидди совсем не улыбалась. Их с Идой жизнь была чистейшим притворством. Бидди больше не желала в этом участвовать. Она пообещала себе, что все притворства и обманы в жизни будут возникать исключительно по ее инициативе. Для того чтобы иметь возможность хоть немного себя уважать, она не должна нарушать своего обещания, пусть даже это может привести к смерти.

Но, несмотря на это решение, мысли Бидди все время возвращались к дорогому ей образу Иды. Девушке пришлось приложить определенные усилия, чтобы встряхнуться и вернуть себе жизнерадостность.

Платформу медленно заполняли пассажиры, которые собирались ехать тем же маршрутом, что и она. Время прибытия поезда приближалось. Большинство людей держали в руках покупки, подарки для себя и других. У некоторых были при себе чемоданы. Это свидетельствовало о том, что эти люди останавливались в гостиницах, прежде чем насладиться удовольствиями, которые может даровать Мельбурн. Бидди копировала выражения, замеченные на лицах окружающих; в основном это были усталость и восторг. Это давало ей возможность почувствовать себя с ними на одной ноге, девушкой, у которой есть семья и друзья, девушкой, проведшей жаркую предпраздничную неделю в столице, где она с удовольствием ходила по магазинам, приобретая подарки.

Когда наконец прибыл поезд и Бидди села в него, она тотчас же пожалела, что не

раскошелилась на первый класс, а предпочла третий. Потом, впрочем, девушка мысленно укорила себя за показное тщеславие. Она будет ездить третьим классом до тех пор, пока не начнет зарабатывать. Бидди понадеялась, что кто-нибудь сядет рядом с ней — тогда ей, по крайней мере, будет не так скучно.

Она не взяла с собой ни книг, ни газет, поэтому ей пришлось всю дорогу пялиться в окно. Ничего особенно интересного видно не было, по крайней мере, с тех пор, как поезд оставил сияющий электрическими огнями Мельбурн и помчался на запад по освещенным газовыми фонарями железнодорожным путям пригорода. Вскоре, однако, газовые фонари исчезли, и за окном все утонуло во тьме. Бидди закрыла глаза, но так и не задремала, боясь пропустить нужную станцию. Волнение тревожило и бодрило ее разум.

Девушка так и не заснула. Паровоз, пыхтя, въехал в старый городок Кастрлмейн, возникший в свое время благодаря золотой лихорадке. Было очень поздно. У Бидди не было часов, но мужчина в вагоне, прежде чем снова захрапеть, проворчал, что сейчас два часа пополудни. Она не припоминала, чтобы когда-нибудь ложилась спать позже часа ночи.

С трудом переставляя затекшие ноги, Бидди выбралась из вагона, сжимая в руке дорожную сумку. Станционный смотритель, одетый в красивую униформу, дул в свисток и наблюдал за тем, как из товарного вагона выгружают пачки газет, мешки с письмами и прочий багаж. Вместе с Бидди с поезда сошло немало пассажиров. Все они зевали и здоровались со встречающими. А потом почти все куда-то подевались. Станционный смотритель замахал флажком и фонарем. Поезд тронулся с места и отъехал. А затем ушел последний пассажир.

И Бидди осталась на перроне совершенно одна. Она знала, как ей следует поступить, вот только не имела возможности воплотить задуманное в жизнь. Девушка разыскала слабо освещенный проход на другой перрон и увидела домик станционного смотрителя. На двери висела табличка «Сплю», что было, по ее мнению, не очень вежливо, ибо Бидди только что видела смотрителя вполне бодрым и отнюдь не спящим. Постучаться в дверь она, впрочем, не решилась, опасаясь скандала.

Бидди присела на лавку и стала дожидаться рассвета. Она надеялась, хотя и не была в этом уверена, что утром появится карета, а значит, ей удастся закончить путешествие.

На рассвете у нее и впрямь появилась возможность ехать дальше. Девушку разбудили крики сорок. Она не помнила, как заснула, сидя на лавке. Потом послышался цокот копыт и скрип колес по гравию. На дворик перед станцией въезжала почтовая карета «Кобб и компания», освещенная покачивающимися из стороны в сторону керосиновыми лампами, похожими в предрассветных сумерках на маленькие солнца. Приободрившись при виде экипажа, Бидди встала и улыбнулась, поджидая, когда карета остановится. Кое-кто из пассажиров вышел из нее, другие принялись слезить с крыши. Пока лошади подкреплялись овсом, Бидди объяснила кучеру, куда ей нужно.

— Очень живописное местечко, мисс, — ответил он.

— Знаю, — беззаботно сказала девушка, — одно из чудеснейших. Я не удивлюсь, если со времени моего последнего посещения кто-нибудь успел написать об этих красотах стихотворение.

Возница решил, что она забавная.

— Я еду как раз в ту сторону. Залезайте-ка.

У Бидди было достаточно денег, чтобы занять место в карете, но она подумала, что будет гораздо приятнее сидеть на крыше позади кучера. Воздух успел прогреться. Роса на

кустах поблескивала в утреннем свете. Снаружи приятно пахло. Бидди решила, что путешествие на крыше кареты станет интересным приключением. Но потом она передумала. Пожалуй, хорошо воспитанные девушки не ездят на крышах, если есть другая возможность. Бидди заплатила и забралась внутрь. Она оказалась единственной пассажиркой. «Нужно поддерживать свое реноме, — решила Бидди, — даже если ничего, кроме него, у тебя нет».

Девушка едва не позабыла об осторожности, когда особняк Саммерсби открылся ее взору во всей своей красе. Прежде ей удавалось разглядеть кое-что урывками. Когда почтовая карета «Кобб и компания» свернула на длинную выющую дорогу, проехав через кованые железные ворота, мимо живой изгороди и оранжевых маклюр, Бидди осознала, что особняк куда грандиознее самых смелых ее предположений, но еще не понимала, до какой степени, и поэтому могла сдерживать обуревающие ее чувства. Но потом карета вынырнула из-под полога листвы голландских вязов и караджонгов, и, увидев огромный дом, залитый потоками солнечного света, девушка чуть не позабыла небылицу, которую сочинила для кучера: будто бы она уже неоднократно бывала в Саммерсби.

Особняк состоял из двух крыльев, встречавшихся под прямым углом. Он был трехэтажным, а посередине восточного крыла высились еще два этажа внушительного вида башни. Окна здесь были весьма элегантные, округлой формы. Башню венчал шпиль, на котором развевался новый флаг Австралии. Вдоль нижнего этажа тянулась крытая веранда, защищавшая окна гостиных от солнца. Ее крыша одновременно являлась балконом второго этажа, опоясывавшим дом по периметру. Оттуда открывался вид на парк и дальше. Обилие двустворчатых застекленных дверей давало Бидди возможность разглядеть царящее внутри дома великолепие. Окна третьего этажа были поменьше. Там наверняка находились комнаты для тысяч слуг, необходимых, чтобы поддерживать порядок в столь огромном здании. Так, по крайней мере, подумала Бидди. Вот только пока никого из них не было видно, что, впрочем, вполне ее устраивало — она могла без зазрения совести пялиться на особняк. Парадный вход в Саммерсби находился в том месте, где соединялись два крыла.

— Упасть не встать! — ахнула Бидди, выходя из кареты.

— Нет ничего лучше этого дома, — произнес возница.

— Не видела ничего подобного.

Кучер удивленно приподнял брови.

— Не видела ничего подобного *целую неделю*, — уточнила Бидди, чтобы не выдать себя.

Кучер издал смешок.

— Саммерсби — самый большой дом во всей округе, — заявил он. — Не скажу, что у него нет соперников. Чирнсайт-парк, говорят, является почти точной копией Саммерсби. Туда можно доехать по Гилонгской дороге. Рупертвуд в Санбери тоже неплох. Но ни одно здание не может сравниться с Саммерсби. Это мое мнение.

— И мое тоже, — заявила Бидди. — Рупертвуд пал очень низко... во всех отношениях. Если вам не посчастливится туда попасть, вы сами в этом убедитесь.

— Вы серьезно, мисс?

— Я не вернусь туда даже за большие деньги, — сказала Бидди.

Кучер лишь хихикнул, а затем, взмахнув вожжами, заставил лошадей тронуться с места. Бидди стояла в стороне, сжимая в руке дорожную сумку. Карета развернулась. Чтобы кучер не подумал, будто она ниже его по социальному статусу, Бидди сделала вид, что направляется к парадному входу. Ее запыленные башмаки закрипели по гравию, однако двигалась она не

особенно проворно. Убедившись в том, что кучер ее уже не видит, девушка развернулась и зашагала обратно, намереваясь обойти особняк и отыскать вход для слуг.

Стоя на пороге черного хода, откуда можно было попасть напрямиком на кухню, Бидди во все глаза глядела по сторонам.

— Видела бы меня сейчас миссис Реттрей! — тихо проговорила она и прикрыла рот рукой.

Вскоре Бидди, впрочем, поняла, что испугалась зря: никто не мог ее услышать. На кухне, как и в садике, не было ни души. От увиденного у девушки закружилась голова. Бидди вошла в чистое просторное помещение, и ей захотелось разглядеть все получше. Она радовалась, что никто ее сейчас не видит.

Было заметно, что сегодня утром здесь готовили еду и завтракали, но, несмотря на это, в кухне ничем не пахло. Бидди решила, что все это благодаря широким окнам и дымоходу.

— Хорошая тяга, — сказала она себе под нос.

Большая железная «колониальная» плита с двумя духовыми шкафами стояла под выходящей наружу печной трубой. На ней можно было одновременно жарить мясо, печь хлеб и стряпать еще множество разных блюд. Сбоку стоял большой бак с краном. Бидди с изумлением поняла, что оттуда можно набирать уже нагретую воду.

— Горячий чай, умывание, стирка и купание — по первому требованию, без задержек, — восхищенно произнесла девушка, коснувшись крана.

Впрочем, она не решилась посмотреть, как действует этот аппарат. Бидди проследовала дальше по натертым каменным плитам пола. Французская эмалированная раковина, шкафы, полные фаянсовой посуды, длинный выскобленный стол из сосновых досок, восемь венских стульев. На крючках, прикрепленных к потолку, висели медные сковороды и кастрюли... В глубине кухни виднелись двери нескольких кладовок. Бидди с замиранием сердца осознала, что по крайней мере одна дверь не заперта. Открыв ее, девушка увидела стену из металлических банок, в которых, надежно защищенные от сырости, хранились мука, изюм, чай и сахар.

Бидди остановилась и прислушалась. Никого. Она откинула крышку металлической банки, в которой хранился изюм, и зачерпнула пригоршню сушеных сладких плодов. Бидди со вчерашнего дня еще ничего не ела. Она вдохнула аромат изюма, а затем сунула горсть себе в рот и принялась жевать. Только после того, как Бидди сглотнула, до ее слуха долетели странные скребущиеся звуки, доносившиеся из соседней кладовой.

Испугавшись, девушка отпрянула. Звуки усилились. Кто-то или что-то находилось за дверью средней кладовки и отчаянно скреблось по деревянным панелям, которыми была обшита дверь.

— Эй! Есть там кто-нибудь? — как можно громче спросила Бидди.

Она подергала ручку. Дверь оказалась заперта.

— Эй! — еще раз позвала Бидди.

В двери, обитой темно-зеленым сукном, появилась пухленькая, невзрачного вида женщина средних лет. Эта дверь находилась чуть дальше от кладовых, и Бидди еще не успела до нее дойти. В руках женщина держала завернутый в коричневую бумагу пакет. При виде Бидди она оторопела и выронила пакет из рук на пол.

— Доброе утро! — воскликнула девушка.

Она стремительно отскочила от двери, возле которой подслушивала, и подняла упавший

сверток, а затем затянутой в перчатку рукой протянула его женщине.

— Правда, чудесное утро? Я дожидалась вас здесь. Надеюсь, вы не возражаете? Я стучала, но мне никто не ответил.

Женщина взяла у нее сверток, осмотрела его, а потом, окинув Бидди несколько встревоженным взглядом, пожала ей руку.

— Что вам угодно? — холодно поинтересовалась она.

Бидди заметила быстрый взгляд, который женщина бросила на запертую дверь кладовки, и решила сделать вид, будто ничего не слышала.

— Давайте для начала я представлюсь должным образом, — улыбнулась девушка. — Меня зовут миссис Реттрей, миссис Бриджид Реттрей.

— *Миссис?*

— Я вдова, — кивнула Бидди, а потом принялась объяснять, ибо сама прекрасно понимала, что выглядит слишком молодо даже для того, чтобы быть замужней дамой, не говоря уже о вдовстве. — Прошло меньше недели после свадьбы, и Всевышний забрал моего мужа к себе. Супруг, к сожалению, оставил мне лишь свое имя. Мне трудно об этом говорить...

Женщина не знала, как реагировать на услышанное.

— Зачем вы приехали сюда, миссис Реттрей?

— Давайте не будем забегать вперед. Позвольте узнать, как вас зовут.

Женщина окинула ее недоверчивым взглядом с головы до ног.

— Я миссис Агата Маршал, экономка Саммерсби, — удивленно приподняв брови, сообщила она.

— Миссис? — переспросила Бидди.

Собственный жизненный опыт подсказывал девушке, что экономка почти наверняка старая дева, то есть «мисс». У настоящей миссис Реттрей тоже не было мужа.

Глаза женщины сверкнули. Она молча положила коричневый пакет в посудный шкаф.

— Ну да, конечно, — поспешила добавить Бидди. — Уверена, что мы подружимся.

Миссис Маршал смотрела теперь на нее с явным подозрением, чуть прищурившись.

— У нас не бывает праздных посетителей. У меня очень много работы. Могу ли я вам чем-то помочь? А не то мне придется с вами распрощаться.

— Помочь *мне*? — рассмеялась Бидди. — Ну, дела обстоят несколько иначе, миссис Маршал. Не вы мне, а я собираюсь вам помочь!

— Вы?

— Разумеется. — Бидди чувствовала, что женщина начинает сердиться, поэтому решила, что экстравагантности на сегодня достаточно. — Вы увидите, что я — ответ на ваши молитвы.

Миссис Маршал окинула ее ничего не выражающим взглядом, а затем взяла за руку и потащила по натертому полу к двери — с явным намерением хлопнуть ее у Бидди перед носом. Вот только девушка оказалась проворнее и сунула в образовавшуюся щель носок левой туфли.

— Да вы что! — вырвалось у экономки Саммерсби.

Бидди смутилась.

— Извините. Пожалуйста, могу я все объяснить?

— Я не намерена тратить на вас время, молодая особа, — заявила миссис Маршал.

— Я совсем не та, за кого вы меня принимаете, — заявила Бидди через щель.

— Сейчас же говорите, зачем сюда приехали, или уходите.

— Я приехала, чтобы работать, — вырвалось у Бидди.

Экономку ее слова застигли врасплох.

— Работать?

— Я понимаю, что мне не следует об этом распространяться, — сказала Бидди. — Я буду помалкивать. Ни один уважающий себя дом не захочет давать объявления, чтобы всякие лезли без спроса, поэтому я приехала сама, миссис Маршал, избавив вас от хлопот. Я не проходимка, клянусь вам, — взглянув на туфлю, произнесла она. — Моя одежда запылилась в дороге, но уверяю вас...

Щеки миссис Маршал порозовели. Она озадаченно глядела на Бидди.

— Вы же не претендуете на место кухарки?

— Напротив, претендую, — с торжеством заявила Бидди. — Я — ваша новая кухарка!

Экономка взирала на нее уже с неприкрытым ужасом.

— Откуда вы?

— Из Мельбурна, разумеется, — ответила Бидди. — Я готовила еду и поддерживала порядок в доме у преподобного Готорна. Это весьма уважаемый и богобоязненный джентльмен... был. Он умер. Ужасная трагедия, миссис Маршал... все случилось так быстро... Отравление серой. Он выпил воду, загрязненную серой. После смерти мужа это последнее, чего могло бы желать мое бедное сердечко... — Бидди подмывало пустить слезу, но она удержалась. — В любом случае преподобный ушел в лучший мир, туда же, куда ранее ушел мой муж. Я уверена, что оба они заслужили подобной участи. Но тем, кто остается, нужно как-то жить. Я ведь права?

Дверь резко распахнулась, и миссис Маршал затащила Бидди обратно на кухню. Девушка едва не упала. Когда она выпрямилась, экономка ткнула указующим перстом ей в нос.

— А теперь послушайте, юная особа...

— У меня, разумеется, есть рекомендации, — произнесла Бидди, от отчаяния опускаясь до опасной лжи.

— Мне нет дела до ваших рекомендаций.

— Но я хорошая кухарка. Вас удивит, сколько всего я могу состряпать почти из ничего.

— Вы и так произвели на меня неизгладимое впечатление.

Бидди расправила плечи.

— Надеюсь, вы не собираетесь сообщить мне, что место занято, — с чувством собственного достоинства поинтересовалась она, — теперь, когда я проделала столь долгий путь, полагаясь на обещание...

Глаза миссис Маршал едва не вылезли из орбит.

— *Какое такое обещание?* Как вы вообще узнали, что нам нужна кухарка?

Учитывая возможные осложнения, Бидди не хотелось прибегать к этому приему, но, поскольку дело приняло подобный оборот, ничего иного ей не оставалось.

— Моя хорошая подруга рассказала мне... — начала она, а потом шепотом добавила: — ...о *китаезе*...

Миссис Маршал покраснела второй раз за несколько минут.

— Я никому и словом об этом не обмолвилась, — поспешно заверила ее Бидди. — Ну, это не то, что следует рассказывать каждому встречному. Уверена, что и моя подруга не говорила об этом посторонним.

— Как зовут вашу подругу? — требовательно спросила миссис Маршал.

Бидди слегка кашлянула. Сейчас она чувствовала себя, словно человек, который собирается стремглав броситься вниз головой с пирса в море.

— Мою лучшую подругу зовут...

Девушка вдруг осознала, что если у нее в целом свете и есть подруга, то только эта.

Бидди надеялась, что достойна ее дружбы.

— ...Мисс Гарфилд. Она работает гувернанткой в вашем доме.

Несказанно удивленная услышанным, миссис Маршал не нашла, что ответить.

Бидди заметила, что низкорослая дородная женщина помрачнела. Причина такой реакции была ей не совсем понятна. Быстро оправившись от изумления, миссис Маршал вновь напустила на себя равнодушный вид.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Общее название для нескольких видов деревьев семейства мальвовых, произрастающих в Австралии. *(Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)*

Маклюра оранжевая — вид деревьев семейства тутовых.

Категория адвокатов в Великобритании и колониях.

Принадлежность женского туалета — модная в 1870-90-х годах конструкция, которая подкладывалась под платье ниже талии сзади для предоставления фигуре пышности. Также так называлась и широкая женская юбка, предназначенная для ношения с такой конструкцией. Турнюр является одним из самых характерных элементов викторианской моды.

Полуостров к западу от города Мельбурна. Когда-то на нем располагались поместья многих влиятельных людей британской колонии Виктория.

Последний удар (*франц.*).

Имеется в виду континентальная часть Европы.

Около 30 градусов по Цельсию. *(Примеч. ред.)*

Примитивное холодильное устройство, изобретенное в австралийском городке Кулгарди.

Старинная английская традиция. Считалось, что человеку, нашедшему монету в рождественском пудинге, весь год будет сопутствовать удача.

Простонародное название произрастающей в Австралии тасмании ланцетной, сушеные ягоды и порошок из листьев которой используют в качестве приправы.

Кули — носильщик, возчик, чернорабочий.

Девушки Гибсона — идеал женской красоты, созданный американским иллюстратором Чарльзом Гибсоном на рубеже XIX и XX столетий.

Рукав, облегающий руку от плеча до локтя и постепенно расширяющийся от локтя к запястью. У запястья собирается в плотную манжету, отделанную резинкой или лентой.

Китайское рагу с грибами и острым соусом.

В описанное время в этом квартале Мельбурна находились бордели, ночлежки, опиумные курильни и т. д.